

ft

«Евразийская Хроника» начата в конце 1924 года в виде литографированного издания. Вначале она была сводкой отчетов о пропагандистской деятельности евразийцев; с течением времени к этим отчетам присоединились статьи, выясняющие отношение евразийцев к отдельным вопросам и сторонам жизни и практики (политическим, социально-экономическим, педагогическим и т. д.); наконец появился ряд систематических обзоров происходящего в России и вокруг России... В своем органическом развитии и постепенном усовершенствовании техники издания, «Евразийская Хроника» подошла к переходу в печатное издание. Этот переход и совершается ныне.

Одним из основных элементов евразийства является: применение идеологии к жизни и охват жизни идеологией. Этим задачам и призвана в пределах возможностей, служит «Евразийская Хроника». Залог дальнейшего роста издания — в росте самого евразийства.

культур»

1 2/312
873-
евразийская хроника
1926г. Цена: П. П. 0 руб

ПИСЬМО ИЗЪ РОССИИ

В оценках положения СССР и в тех выводах, которые делаются нашей политической и обывательской эмиграцией относительно возможных выходов из этого положения обыкновенно упускается из вида два основных и чрезвычайно важных момента.

Первый из них выражается в том, что в русском народе как широкой демократической массе, (возьмем пока Великороссию и Украину и оставим частный случай народов Востока, для которых это еще более разительно, хотя и в некотором ином смысле) прошлое не вызывает ни сожаления, ни приятных воспоминаний. В большинстве случаев неудовольствие вызвано повышением потребностей, растущих всегда пропорционально возможностям их удовлетворения, во многих случаях даже опережающих эти возможности, и в настоящем положении СССР безусловно неудовлетворимых.

Второй момент связан с органической характеристикой тех поколений, которые сейчас составляют главную массу всего активного, как в стране вообще, так и в частности в армии. Не надо забывать, что теперешний красноармеец, а так же младший и средний состав принадлежит к тем поколениям, которым в момент революции было 12-15 лет. Этим поколениям не коснулся яд 1917 года: разложение армии, падение дисциплины и т. д. Но если в них нет революционного пафоса, то нет и воспоминаний о дореволюционной хотя бы даже военной эпохе. Нет и привязанностей к идеалам, учреждениям и формам прошлого и имена связанные с этой эпохой, для них пустой звук.

Если со всей серьезностью учесть эти два момента, то еще раз станет ясным, что двинуть эти основные силы России — крестьянство и армию, против коммунистической партии можно не во имя реставрационных идеалов прошлой, дореволюционной России, не критикой красной власти, с точки зрения этого прошлого, а лишь призывом к новому, лучшему будущему.

Как обстоит в этом отношении вопрос с нерусскими элементами Востока? Здесь приходится решительно признать, что жизнь внесла какие то разрешающие и правильные формы сосуществования народностей. «Национальный вопрос» в отношении народов Евразии не существует — он разрешен в положительном смысле и не представляет труда собрать такие подробности национальной жизни народов Востока, которые покажут, что эта жизнь успешно развилась в сторону утверждения национальной самобытности в рамках единого большого целого. И в этой области прошлое не может казаться идеалом и не вызывает по сравнению с настоящим ни вожделений, ни сожалений.

Однако, как было уже отмечено относительно русского населения, так следует здесь отметить и обобщить относительно всего СССР, положение, что отсутствие привязанностей и симпатий к прошлому ничуть еще не значит признание настоящего и примиренности с ним. Наоборот увеличение потребностей и возможностей увеличивает неудовлетворенность, открывает тем сильнее недостатки настоящего и в общем повышает успешность борьбы с теми силами, которые стоят на пути развития всей страны. Может возникнуть, и для многих встал вопрос, не возможно ли в рамках настоящего политического положения такое дальнейшее развитие жизни страны, которое должно привести ее, независимо от политики к новому расцвету? На этот вопрос надо решительно ответить — нет. Рамки настоящего определяются фактором

ПЕРЕПИСКА СЪ <АЗІАТОМЪ> В. ИВАНОВЫМЪ

(авторомъ «Мы»)

Случаю угодно было, чтобы через посредство одного старого друга, оказавшегося въ Шанхаѣ, я, пока лишь путемъ переписки, «связался» съ Вс. Ивановымъ, авторомъ оригинально задуманнаго и талантливо выполненнаго труда, озаглавленнаго «Мы» и изданнаго въ Харбине Изд. «Бамбуковая Рошча». О книжкѣ этой появилась уже замѣтка въ V вып. Хроники. Я надѣюсь иметь возможность поговорить о ней болѣе подробно. Сейчасъ считаю нужнымъ сказать, что присланную МНЕ книгу авторъ снабдилъ привѣтомъ «вѣвмъ еврашщамъ». Передаю здѣсь этотъ привѣтъ, который для насъ показателенъ и указываетъ на сродство и близость взглядовъ. Тѣмъ болѣе необходимо избежать смѣшенія и полезно отграничиться отъ союзника. Было поэтому высказано пожелание объ опубликованіи переписки моею съ В. Ивановымъ, въ которой мы, ВНЕ какихъ бы то ни было личныхъ отношеній, определяемъ свою точку зрѣнія на некоторые вопросы входящіе въ сферу еврашскаго обсужденія. Такъ какъ В. Иванову, очевидно, желательно было ознакомить со своими взглядами именно еврашскіе круги, то я согласился на предаше гласности нашихъ писемъ, хотя высказываемыми мною мнѣніями я съ того времени имѣю ужь отчасти возможность поделиться въ печати.

Въ первомъ своемъ письмѣ В. И. объясняетъ, что онъ стоитъ всецѣло на «азлатской» точкѣ зрѣнія, онъ, и большинство нашихъ соотечественниковъ на Д. ВОСТОКЕ, видятъ теперь въ Азш воочтъ решительную борьбу двухъ началъ — европейскаго и азіатскаго. Сущность европейскаго метода выражена въ новости изобрѣтенія (Бэконъ)... азіатскій духъ движется въ величественныхъ формахъ пережитковъ какихъ то старыхъ незапамятныхъ культуръ, ихъ эпитонства. Не обрекаютъ-ли себя Евразшцы... на досадную срединность... Реальныхъ путей исторш... пока есть только два. На лицо страшный ростъ могущества Азш. Венцомъ... является развитіе Японш. Сильно развѣе азіатскаго движешя*). Азія для азлатовъ не простая формула. Для того чтобы увидать, что такое Азія, нужно увидать ее своими глазами, а не конструировать, подчасъ весьма талантливо, азлатские просторы изъ противоположенія асфальтовому запаху парижскихъ и берлинскихъ улицъ.

Таковы основныя мысли письма, которое, до известной степени, исходило отъ единомышленника, но въ то же время звучало какъ вызовъ. Я рѣшилъ поднять перчатку и ОТВѢТИТЬ В. И-ву. Мое письмо ему и его ОТВѢТЬ напечатаны ниже. Я вовсе не хочу въ зтихъ сопроводительныхъ словахъ воспользоваться своего рода преимуществомъ надъ моимъ оппонентомъ, т. е. комментировать, дополнять и уточнять мои мысли въ то время какъ онъ лишень тутъ этой возможности. Но я позволю себѣ предположить, что онъ не вменитъ МНЕ въ вину, если въ ТОНЕ нашего доверчиваго обмена мыслей, я все таки скажу два-три слова въ поясненіе моего письма. Мои возраженія по существу сводятся къ тому, что формула «Азія для азлатовъ», должна быть вскрыта во избѣжаніе опасной идеализаши положенія. Азія нашихъ дней МНЕ не кажется «движущейся въ величественныхъ формахъ пережитковъ... культуръ». Этой характеристикѣ я противопоставляю формулу «эволюція въ путяхъ европеизаши, пода зна-

*) В. И. приводитъ слѣдующіе примеры:

1. Путешествіе Рабьядраната Тагора по Азш въ пр. году.
2. Съ-вздъ всвхъ мэнгольскихъ ламаитскихъ общинъ въ пр. г. въ Пешитѣ.
3. Азіатскій съ-вздъ вѣвхъ едиобошнихъ течелій въ Японш зимой пр. года.
4. Большой съ-вздъ, который предназначенъ на осень тек. года въ Нагасаки.

комъ антиевропейскихъ настроенш». Европеизаши замѣнѣе всего въ области матеріальнаго прогресса (индустриализаши и т. д.), но она же замечается какъ во все болѣе примѣненіи критическихъ методовъ научнаго изслѣдованія (синологія, тюрколопя, какъ дисциплины, воспринятія и развиваемыя китайцами и турками), такъ и въ измененіяхъ социальныхъ и политическихъ. Очень существенна тутъ и должна быть нами изучена особа проблема разви^я понятія «націа» въ Азш. — Кроме того формула — Азія для азлатовъ — способна закрыть отъ насъ очень сложную и глубоко идущую борьбу интересовъ. Мы не должны впредь итти ни на каюя антиазлатскія коалиши, не должны солидаризироваться съ Европой противъ Азш, но изъ^этого отнюдь не слѣдуетъ, что мы лишъ своего поведешя должны определять исключительно азлатскими интересами. Въ этомъ и есть суть нашего особаго, еврашскаго положенія.

Евразя не можетъ быть ни Европой, ни Азгей, это положеше, вытекающее изъ всей совокупности нашего географическаго, этическаго, культурнаго и политическаго развитія, МНЕ кажется очевиднымъ и доказательствъ не требующимъ. Ясенъ водораздѣлъ, отграничивающій насъ отъ Запада, отъ романогерманскаго Міра. Въ Славянствѣ онъ проходитъ черезъ Польшу (частичный украинскій уклонъ?). На Балканахъ область сильнаго ем^шенія, позволяющая, однако, уловить лишъ Византля-Римъ. Ясенъ и водораздѣлъ между Средиземноморскою культурой, — охватывающей Переднюю Азію, проникавшей черезъ Иранъ въ Индт (Грекобактрійское государство), — и собственно Азіей. Перекачывавшяся по русской, еврашской, плоскости культурныя влѣянія еще недостаточно изучены (связь СЕВ.. Кавказа съ Мессопотаміей предположенія у пр. М. И. Ростовцева; недавшя открытія Козлова въ Монголіи, указывающія на далекое СЕВ. Вост. проникновеше грекокиеской культуры съ береговъ Понта), но я увѣренъ въ томъ, что мы, русскіе еврашцы, выросше между нам-бченными водораздѣлами на определенной почвѣ и вскормленные определенными соками были-бы въ глазахъ настоящихъ азлатовъ, и несмотря на много чертъ сходства, *плохими азиатами*, въ той же МЕРѣ какъ изъ насъ выходятъ *плохие европейцы*. Плохіе европейцы! Въдъ римская догма въ правѣ и религіи, Возрожденіе, гуманизмъ, принципы 1793 года, могутъ волноЕать насъ лишь вчуже, отраженно; въ сердшевиу нашу они не проросли. Личность у насъ выявляется въ соборности, размежевавшемся и обособляющемся Западу настолько незнакомой, что у него НЕТЬ для нея слова. Плохіе азлаты! Мы познаемъ Бога въ БогочеловЕКЕ и находимъ оправданность личности въ искупленш. Азлатъ познаетъ Бога растворяя свое я въ Мірозданш, стремится избавиться, отказаться отъ личности, либо подчиняетъ ее предопредѣленію, и т. д. — Мы еврашцы, не европейцы и не азлаты tertium datur. Не стараясь походить на ТЕХЪ или другихъ, будѣмъ сами собою и отнесемъ серьезно къ трудной, но необходимой, насущной задачѣ самопознашя. Остается лишь указать еще, что въ перепискѣ, дабы приблизить мою позицію къ позици В. И., я говорю объ азлатствѣ, а не азшствѣ. Разница культурно историческихъ концепци, получившихъ разныя словесныя выраженія, въ еврашской сред-в въ поясеніяхъ уже не нуждается.

Въ дополненіе къ примѣчаніямъ, прѣроченнымъ къ соответствующимъ мѣстамъ письма В. И. — нужно еще замѣтить, что еврашцамъ чужды ОТТЕНКИ релятивизма (или «синкретизма») въ отношеніи къ вопросамъ вѣры. Евразшцы уважаютъ чужую вѣру; своя же есть для нихъ Абсолютъ...

Письмо В. П. Никитина — В. Иванову

(Изъ Парижа въ Харбинъ).

У

Мой личный взгл. дѣ (еврашскій «хоръ» предполагаетъ многоголосіе, но не разногласіе) расходится съ Вашимъ весьма серьезно. Я совершенно убѣжденъ въ необходимости для нашего самопознашя усвоешя крупнаго, но не рышающаго, значенія азлатскаго элемента въ образованш нашей и народности и государственности. Мы псзже всѣхъ выд-блились изъ азлатскаго Лона, но мы индоевропейцы; мы имѣемъ сильную дезу туранизма, но мы арійцы; мы должны продумать и прочувствовать наше аз^атство, но не должны себя отождествлять

библиотек^ Но наши русские ученые^ живут там, очень скромны, и не позволяют себе таких рискованных писанш, который допустил я, скромный журналист.

Однако — «еже писах — писах». Это Пилатовское оправдание подтверждается и тем некоторым уже обнаружившимся успехом, который наблюдается здесь. Не говоря уже о плачущих дамах, которые обижались за причисление их «к азиаткам», я знаю, что целый ряд книг моих куплен китайцами. Есть интерес и со стороны японцев, однако, не приобрели еще реальных форм. Все же, позвольте довести до сведения вас, Евразийцев, что особым Отделом Южно-Маньчж. ж. дороги (Управ. в Дайрен) ассигнованы значительные суммы на переводы *выборок из евразийских изданий*, и на издание их, для извещения круга лиц, в ограниченном количестве.

Соответственно сему, должен сказать, что интерес к этому движению на Д. Восток *чрезвычайно высок*: моя книга имеет спрос среди забайкальцев (этих гибридов), среди бурят, монголов и т. д., связанных с русской культурой. Интересуются и татары, судя по гласным, которые я имела от атамана Семенова, тоже приверженного этой системе мыслей.

Прошу заметить, что значение этого ряда мыслей здесь на Д. В. чисто актуальное: гнев Чингиза еще парит над Азией, и горе нашим последним властителям, что они не понимали этого!

Еще одно, очень важное обстоятельство: первым, выпустившим мою книжку со склада, был посол СССР Карахан: обратите внимание Ваше и Ваших коллег, что советчики ведут здесь ту *реальную* политику, которую должны бы были вести евразийцы.*) «Христианский генерал» Фын-Юй-Сян, ныне в Москве, конечно, «евразийец» в смысле своей политики.

Но почему же эта политика в руках красных, когда она по всей справедливости, должна быть в *белых*? This is the question! *Евразийство для своей актуальности должно стать политическим движением*!

В Вашем письме, простите, я нахожу все же асфальт парижских бульваров! Вы смотрите на Азию *оттуда*, из Европы, и из этого далека вы видите ее составленную из пестрых пятен, в гармоническом персидском криве. Вы и Египет относите к Азии**. А не требуется ли поставить вопрос о том вообще, *что мы называем Азией?*

Чем больше я присматриваюсь к той стране, в которой живу, к Китаю, тем больше я вижу в нем несколько любопытных разностей. *Во первых*, конечно, *Китай*, никто другой, д.л. то общее культур Азии, что в ней имеется общего или, м. б., сохранил. *Во вторых*, в самом Китае, мы различаем какой-то мощный первичный пласт архидревней цивилизации, *радон*, культуры, по отношению к которой последующая культура — эпитоны. Именно, в *земледельческой религии* Китая мы видим прямое восхождение дьяна Прометея, этого первого учителя людей *цивилизации*. Самая древняя система духовного Китая — *конфуцианство* и *даосизм*, возможны лишь на основе предыдущей огромной культуры духа: конфуцианство есть *статика морали*, немислимая как единичное, а не как социальное явление. Здесь, подобно тому как, м. б., в излюбленных китайских драконах сохранились смутные воспоминания об огромных допотопных ящерах, так и в конфуцианстве, в его изумительном знании людей, остались пережитки старых культур, в жизнениности своей прошедших через Египет и *чрез Ассирию-Вавилонию****). *В третьих*, позднейшая наслоенная в Китае — и буддизм, и «христианство Востока» — магометанство,

*) Необходимо отмежеваться! Евразийцы не ИДЮТ ничего общего с большевистской политикой в Азии, где III Интернационал желает использовать Азию как орудие для осуществления своего плана мировой революции. У евразийцев — солижес с Азией для самопознания в области утилитарности и сознания общности судеб. В. Н.

**) Я не могу отделить Египта от Азии, т. к. он причастен Исламу. Причисляем же мы и Японию к Азии, хотя формально можно было бы спорить. — Что мы называем Азией? Говоря выше о «водоразделах» и т. п. я подхожу к этому вопросу.

***) Идея о замкнутости развития Китая начинается, повидимому, вообще нуждается в рассмотрении. В частности связь его с Передней Азией в области развития искусства устанавливается Арден де Тизаком в его недавней истории китайского искусства. В. Н.

не коснулись *души Востока* так полно и глубоко, как глубоко пронизывает живую сущность Китая именно это земледельческое обожение Неба, из которого вытекает идея и Божественного Вождя, Богдо-хана, в этой своей буддической форме отобразившая старую суть монгольской религии Тенгра.

Восток — именно его вождь; и потому мы — русские с нашим б-влым царем — люди с Востока. Но так как мы первые испытали дыхание культуры Запада, его наш Петр-в, то вместе с этим азиатским деспотом мы получили и *освобождение* — неразгаданный парадокс русской истории, чреватый последствиями.

Как пойдет история на Востоке — я не знаю; но можно быть твердо уверенным, что та досадная сторона европейской цивилизации — ее дешевка, ее общедоступность, ее нечуждость, (К. Леонтьев!) будут изжиты именно культурой с Востока, которой присущи такая то библейская в их простоте формы жизни. Либерально-эгалитарный процесс Европы теперь стукнулся лбом о *неравенство* фактическое, людей; это открыто для Европы. А это разве не свидетельствуют древняя азиатская касты и т. д.

Европа поскользнулась на том, что ее формы творчества оказались по существу слишком *modern*, т. е. переменчивыми, хотя бы и в претенциозных наших революциях. Вы пишете что Япония «американизируется», да, американизируется, но на свой совершенно особый лад. В результате того процесса мы наблюдаем не «движение Азии на Запад», а *своеобразный процесс усиления и одухотворения западной культуры извечными элементами вечно Азии*, никуда не идя.

Поэтому нельзя разматывать *Паназиатизм*, как политическое явление европейского порядка. Это вовсе и не то «переселение народов», которым нам забивали головы с детства, уподобляя народы каким-то стадам сибирской бьлки. Современный Паназиатизм это обратная волна той культуры, которая прихлынувши к Атлантике в начале нашей, примерно эры, летит теперь обратно, завершая культурный круг, создавая государства, как бы надлежит, со всеми омерами, которыми будут правдивы, чище, крепче современных европейских образованных, подобно тому, какой была Россия, одухотворяя Тихий Океан,

И еще одно. В настоящее время я состою при Н. Д. М-в. Он — самое доверенное лицо при маршале Ужонь-Зунь-Чан'В, дубань Шандуна, одной из первых фигур Китая. Я должен, г. г., засвидетельствовать огромный рост китайской национальной, своеобразной мощи. Дубань повелитель, в полном смысле 40.000.000 своих подданных, в своих военных мероприятиях является подлинным культуртрегером. Европейская культура вливается в Китай не через У. М. С. А., не через Peiyang University и т. д., а через оружие, через рационализированный европейский строй, через оружие, которое *побуждает*, а с другой стороны — которое требует знания и математики и баллистики, и т. наз. «естественных наук». Говорил ли кто-нибудь о *военном характере современной точной науки и изобретений* Я что то не помню. Но так культура шла и в Японию, так она шла и при Петре I Не так ли она шла и в Европу?

Это азиатский тип культуры — властительницы. Мы слишком долго принимали за чуждую культуру — ее революционную стихию. Революционная стихия так, как она проявлялась на Западе в народную сплешь, и проявилась у нас в *верхушках*, есть растл-виная, провокационная идея челокобожества, идея антихристовая, идея жидовства. 4000 лет евреи, носясь по Мирову, создали высокую внутреннюю пришлифованность, изучили механику человеческих душ. человеческих толп, и, как арши, держа высоко идею божественного владыки, стали расправляться с ушедшими далеко с Востока, от истоков культуры, наивными народами. Да, тоска, про которую Вы пишете, есть в Европе,*) но что там есть,

*) Кроме тоски, отражающейся в Ц-БЛОМ ряд литературных произведений, есть новый подход в исторической науке к вопросу о ценности для Франции римской цивилизации, представителем которого является Gamille Julien. — Хотя, конечно, у европейцев в отношении Азии преобладает взгляд утилитарный. В 1858 г. Гобино уже спрашивал себя: «que deviendra le grand capital europeen qui a ete place en Asie?» и отвечал: «je crois que la deperdition de ce capital est inevitable». А в 1926 г. Paul Morand пишет: «C'est grace aux tremblements de terre, aux typhons, aux cruels du Yang Tse que nos enfants pourront cultiver les primeurs d'Avignon et de Roscoff; ...rien ne separe (l'Europe) de l'Asie... (elle) n'est que la vallee fertile en bas de la montagne».

ими ряд более узких; открывают во многих ученых сущность общую с ними, но прикрытую другими названиями», ибо «по опыту знают поверхностность большинства формул» и «стараясь снимать словесную оболочку и обнажать душу слов».

Такова основная установка тех, кто «в свое время были Белыми», установка синтетическая зовущая к объединению и его предполагающая, однако объединение не промежуточной целью, например — борьбой с врагом, после победы над которым ожидается и неизбежно разложение временного союза, а целью последнюю, творчески-созидательную. Именно это и устраняет уже готовый сорваться с языка упрек в релятивизме или — практически — в «компромиссности». Младороссы, относясь нетерпимо ко всему *нечестному* в идеологиях, враждя со «схоластикой и игрою словами», «относятся с величайшим уважением ко всему, что *честно и максималистично* в идеологиях». Они требуют формы «максималистической», т. е. лишенной всего неполного, предвзятого, недосказанного». Очевидно, такая «максималистичность» совпадает в сознании представителей нового движения с неоспоримостью и абсолютной истинностью. — «Наша идеология неоспорима именно потому, что мы ее *не придумали*, что она есть вещь в себе, которую мы только стараемся освободить от всех налетов паутинок, наплетенных невежественными людьми, и показать миру». Младороссы называют себя «рудокопами», искателями Божественного на земле», — верят, что их теории, убеждения, программы основаны на тех неизбежных, сверхчеловеческих, нерукотворных основах, к которым приходят все — независимо от подхода».

Эти слова, конечно, вызовут нарекание в самомнении и несоразмерных притезаниях; и некоторые утверждения и обещания могут подобные упреки еще более подтвердить. Однако нам такие выводы кажутся несправедливыми, особенно если отвлечься от тона, и внешней неудачности некоторых формулировок. Притязают, ли младороссы на непогрешимость, на безошибочность? — Конечно, нет. Они утверждают лишь абсолютную истинность исходных своих положений, но, разумеется, очень далеки от того, чтобы считать всякое свое положение неизменной истиной и всякую свою формулу не подлежащую изменению. Иначе же утверждали бы они условность всех формул. И все становится совершенно понятным, когда мы читаем: «Православие: вот один из наших главных союзников... Мы только выражаем научным языком то, что Писание выражает религиозным... Сторона же бытовая, моральная и обрядовая Православия выражает собой наши национальные идеалы. Наше дело их укрепить и дополнить». Кажется ясно: неизменные и неоспоримые, абсолютно-истинные основы идеологии нового движения видят в Православии, считая своей задачей конкретные выводы из этих основ, но вовсе не приписывая себе, что оно выполнит эту задачу целиком и вовсе ее отрицая того, что и другие в ее выполнении участвуют. Православие и православная соборность истины и дела: так, на наш взгляд, можно формулировать основную идею младороссов. И в этой форме она нуждается еще в философском развитии и обосновании, но пока, по крайней мере, вполне согласуется с евразийской установкой. Согласуется она с нею и в дальнейшем: в том, что христианство (Православие) признается не только «сверх-национальным», но еще и «фактором национального объединения».

Так выдвигается понятие «русско-православной культуры». —

«Независимо от кровного родства и процента Азиатской крови в наших жилах, мы являемся обладателями «широкой кругозорности» в силу нашей жизни в равнинах Азши»;

Если уже во всем этом наблюдается глубокое соприкосновение с евразийской идеологией, на самом деле даже больше, чем кажется представителям нового движения, за «евразийским поворотом к Востоку» кажется, недостаточным оценивающим национально-русский мотив евразийства, близость еще более уясняется в том историческом очерке, который намечает г. Вильчковский.

«Независимо опять таки от незначительной процента Европейской крови в наших жилах, мы переняли от Европы некоторые психологические черты, отличающие нас психологически от других народов Азши. Живя на территории Азши и будучи кровно связаны с Азией и Европой — причем куда крепче связаны с Азией, мы представляем из себя совершенно особый резко отличный от Европы склад и особую культуру. И так, территориально — Азия, этнографически — Евразийцы, мы являемся культурно ни славянами, ни туранцами, ни германо-латинянами, а Русскими».

«В хрипанском Преданш полном символов есть и удивительная аллегория о пути к идеалу. В Виелемь, на поклонете Христу волхвовь ведеть движущаяся звезда. За исторической истиной нужно гнаться. Ея светило не стоит неподвижно над головой. Только эволюционируя, только изменяясь сами мы не отстанем от звезды».

Какая разница между этой Евангельской звездой и той, покорной, которую возил за собой Цезарь две тысячи лет тому назад и другой, туманной, которая еще так недавно манила адмирала Колчака...

За десять лет революции мы, постоянно двигаясь, прошли идеологически не малый конец. Нашим стремлениям является ЗДЕСЬ границей итти параллельно с державным шагом Россши.

В свое время мы были Белыми. Тогда болыпевизм первых годов, непрземлемый теоретически, практически являвшейся почти только разбоем, вызывал естественную, непримиримую антитезу. И тогда силы были, казалось, равны. Можно было с тем же успехом ставить за Деникина как и за Троцкого. Но к 20-му году — закату Юга Россши — против остановившейся на той же плоскости 18-года Белой армии, стоял уже развившийся болыневизм. Белое движение не вышло из детства — болыневизм оказался жизнеспособнее. Судьбы Врангеля решалась в Мире психологических законов, а Перекоцкая укреплетя были только декоративнейшей.

Смотря на вещи с белой точки зрения, положите делалось все безнадежнее. Чем дальше упорствуешь на исходной точке «белая мечта», тем колоссальней, тем подавляющей кажется разстояние от Россши живой и, следовательно, движущейся.

Первая «антиболыневишня» иллюзия умирали долго и больно. Было время разочарования, чувство заграничного ничтожества перед Россши враждебной и чудовищной. Незнате того, что происходит в Россши и ОТСУТСТВИЕ критерия границей — вот главный черт этого пертада. Он пошел нам впрок. Он нас научил надеяться толы о на себя и не верить заезженным формулам. Мы выпили чашу скептицизма и в нас Западом было убито Западничество, погибшее в двадцатых годах и в Европе, после того, как в воляях русской анархии затонуло выродившееся славянофильство.

Сейчас период идейного упадка, нами, еще немногими, превзойден. Там в Россши нарождается Националь-Болыневизм, здесь, среди нас — Младоросское движение...

В Россши всегда было два слоя: слой сознания и слой инстинкта. Вся задача русской истории заключалась в том, чтобы согласовать сознательную волю правителей с безознательным желанием народа.

Весь первый пертад нашей истории прошел под знаком этой гармонии. Дружная работа князей и народа привела к созданию нашего Государства и началку культуры. Оно было богато духом и потому подчинило себе все окружающа народности. Будучи с самого начала сплавом восточных народностей, русская тигль стала знаменателем для всех пришельцев.

Условия природы ставили нам искони небывало трудные задачи: мы строили города на болотах и государство на открытой равнине.

К Востоку — безконечные просторы Азши и оттуда, как звери, гонимые степным ножаром, один за другим выходять странные народы. Мы живой стеной отбиваем сначала стихийный натиск, потом, когда инертный розмах ослабь, умиряем, подчиняем впиткоаем в себя уже не странный нам элемент. В этом наша типичная черта, этим мы постоянно обновляем наш первичный сплав. Новая кровь нам не страшна, так как она евразийская, родная, — нашей культуры ей не изменить — так как сама она еще не носитель культуры.

Незаметно, с Запада сначала пассивного, находят наши главные, настоящие враги. «По мужски созревшая, чуждая властная культура», как характеризует их Шпенглерь.

С Тевтонского Ордена начинается острый пертад этой борьбы. Надо выбирать между обороной от Запада или от Востока. Даншль Галицкий или Александр Невский. Этот последний находить правильную формулу: татары не страшны — страшны немцы. Вынужденная покорность Орде в смертный бой с Орденом.

Мы находимся уже на слишком высокой степени развития, чтобы империя Чингисхана была нам страшна. Никто, ни Наполеон, ни Батый, не заходили безнаказанно в нашу равнину. От битвы при Калке до Казанского Университета — логические этапы. Сильная культура изнается — слабая перерабатывается — вот вечное явление в Россши.

По мере того, как медленно, но верно Евразия подчиняет себе Азши — с Запада могут наши ближе подступают к нашим пределам. В 17 веке чувствуется грозной ветер с Запада. Вопрос идет уже не о случайном завоевателе, ни о Наполеоне или Карле XII, которые неминуемо должны быть выплюнуты нашим организмом. Речь идет о мощных культурах который сжимают нас превосходя нас во всем материальном. Нам угрожает судьба Чеховь, По морянь и Прусовь.

Смутно чувствуется это в годы Алексея Михайловича. Спасителем является Петр. Он применет в ередь лицом страшной угрожающей болезни единственный остающийся способ — прыврку. Он при помощи западных премовь двает нас способными выдержать натиск Запада. Он закаляет нас как Митридат. Наше тело, ко его мысли, останется здорово — только вскакивают несколько нарывов оспы, которые рано или поздно пройдут.

Нижний слой не способен понимать лете от яда — ядом. Петр превращается в Заг. адника — т. е. поклонника Запада. Евразийские инстинкты смутно протестуют...

Случается то, что называется в простор-Бчш «простудить оспу». Безталанные преемники Царя дают образоваться гнойникамъ. Ядь переваривается не вполне. Онъ бродитъ въ крови образуя безформенные наривы. Это нашъ Петербургшй перпэдъ.

Ота Западнаго нашествя мы спасены. Смертельная опасность намъ больше не грозитъ. РоссiН уже настолько сильна, что никакая коалищи Европы не смогутъ ее потрясти. Но западный ядь бродитъ въ теле и организмъ протестуетъ и проситъ ланцета. Начинается громкш кличъ къ очищенш нашего Царства — плеяда пророковъ призываетъ сбросить западную маску, теперь уже безнолезную. Сквозь вихри революцш слышимъ мы теперь эти велите голоса — тогда во-шюше въ пустыне... Новая капля гноя: коммунизмъ — прорываетъ нарывъ. Гноемъ и кровью покрывается РоссiН. Начинается апокалипсичесше годы Революцш.

Эти первые года — годы ужаса и мрака. Сущность происходяшаго намъ непонятна. Мы не видимъ движети инстинкта за красными плакатам i, не сознэмъ пробудетя Евразш противъ Запада.»

Но, с другой стороны, уже нетъ объединяющей идеи, и западнические инстинкты никак не примиряются с евразийскими .

Однако вслед за разочарованием и смятением начинается самоуглубление и отсюда переоценка и осознание и спасение. Пока мы пасем иностранных свиной, нам начинают слышаться голоса. Они идут не с неба, а с земли. Голоса надежды раздаются оттуда, из кровавой РоссiН. Постепенно осознается историческая преемственность. И «с той минугы, как

„мы осознали свою прѣмственяость, съ той минуты какъ поняли и прѣяли революцш— мы почувствовали твердую и родную почву подъ ногами. Передъ нами встала задача осуществить заветы нашихъ великихъ предковъ. Съ этого момента у насъ iвилось чувство долга, и новая, на этотъ разъ непоколебимая надежда: такъ началась молодая РоссiН.

Первымъ вопросомъ, который предсталъ передъ нами, былъ вопросъ, ч-вмъ строить Молодую Россш. Ясно было, что старыми способами нельзя было начинать новое двл. Не дряблымъ людемъ, не сум-Бвшимъ во-время и постепенно вскрывая нарывы, предотвратить ужасный кризисъ, не слабымъ душамъ направлять течете русской речи — инстинкта въ движети — необузданнаго Националь-болыневизма.

Сознаиe необходимости новаго оруаи стало нашимъ вторымъ достижениемъ.

Это орудие — должно быть психологическимъ такъ какъ на этой плоскости решаются ВСЕ вопросы. Мы пришли поэтому къ перевоспиташю къ закалу духа: такъ создалась м л а - д о р о с с к о с т ь .

Молодая Росстя какъ верхнш слой Евразш должна будетъ действовать пользуясь наводнальнымъ инстинктомъ — сейчасъ националь-большевизмомъ — не ставя ему преградъ, но направляя по правильному руслу, облагораживая и одухотворяя.

УСП-БХЪ Ленина въ 17 году обусловился ГБМЪ, ЧТО ОНЪ угадалъ инстинктъ. Ленинъ съдлалъ свою карьеру на стихшномъ протесте противъ Запада. «Программа большевиковъ» — говорить Шпенглеръ, — «могла бы быть диаметрально противоположной», «доктринерстя построения не могли породить того розмаха, съ какимъ еще продолжается это движение».

Поэтому и за^дно-шаблоннын объяснетя большевизма, какъ усталости отъ войны, не выдерживали критики. Усталые отъ вн-вшняго фронта люди, немедленно создавали внутрентй. Поэтому и коммунизмъ никогда не существовалъ за эти годы въ РоссiН — народъ двинулся разрушать инстинктивно — въ Москве же сохранился трафаретный стиль революционнаго проле-ТариаТа, какъ «Либерте, Эгалите, Фратерните» на французскихъ церквяхъ.

Тв, кто пробовали бороться съ большевиками не понимали, что съ коммунизмомъвъ РоссiН бороться легко: онъ неприемлемъ и призраченъ. Но съ большевизмомъ бороться немисливо. Белое движете вылилось само въ Махновщину;-мещевизмъ Белыхъ штабовъ былъ совершенно безсиленъ. Тогда бороться съ Московскимъ кланомъ можно было бы только при помощи какого либо другого, не менее крайняго лозунга.

Правящш слой РоссiН за Петербургсой першдъ въ своемъ большинстве настолько отделился отъ интнктивныхъ массъ, что не нашель съ ними общаго языка, который нашли жидаы и эмигранты. Это парадось — но это такъ.

Онъ однако дружно работаль съ ними когда-то: Суздальсте князья понимали стремлете своихъ людей колонистовъ и лсьниковъ; Русь степей, охоты, наб-вговъ, крепкихъ монастырей и пышныхъ одеждъ нашла Влащхра Мономаха; центростремительный порывъ окр<впающей Руси призвалъ Калиту; у могилы Грознаго ставились свечи.

Общй языкъ находили начиная съ Пушкина и немнопе Руссше последнего вена. Нашей задачей будетъ сделать удълomъ многлхъ, то, что было возможно лишь немногимъ до сихъ поръ.

То, что далъ Западъ, мы игнорировать не можемъ. Мы въ головахъ своихъ переварили и разобрали Западъ. Подъ его вл.яте какъ наше общество Петербургскаго периода.мы уже не попадемъ. Однако мы выжмемъ изъ Запада все соки, снимемъ все сливка, которые могутъ быть полезны нашему народу. Мы смажемъ западнымъ масломъ скрипучая колеса родной телеги.

Такъ сделали когда-то наши предкг съ Византскимъ наслед*емъ. Мы — Третьей Римъ — возьмемъ все лучшее, если найдемъ что нибудь пригодно и отъ Перваго Рима. Только довольно раболепства передъ Римскимъ Правомъ и латинскими кругозорами.

Западъ былъ страшенъ пока наша самосознание дремало — со смерти Петра. Благодаря Петру Западъ материально, пересталь быть угрозой. Съ револютей 17 года кончается и моральная опасность — начнете* ассимил/шя остатковъ Петербургскаго периода — ноторые войдутъ въ насъ и переработаются.

Нечего бояться внешностей, матер.альныхъ западныхъ новшествъ и техническихъ аппа-ратовъ. Надо заставить Западъ служить намъ. Разве насъ шокируютъ теперь Византшскш одеята нашего духовенства? Рс.зве не изъ Византии вышли мнопе мотивы нашихъ стилей? Такъ зачемъ же бояться хотя бы стилиа Ампири? Ведь олъ уже совершенно нашъ, его въ другихъ странахъ нетъ, онъ нами перераотанъ и ассимил^рованъ.

Тыъ и Пзтербургъ мы те стаб*емъ срывать съ лица земли. Онъ останется памятникюмъ страннаго, трагическаго двухвекового цикла нашей исторш.

Повторяю: элементъ европейскихъ достиженш войдетъ въ н«съ; мы какъ Петръ обучились у враговъ. Но дальше намъ не по пути. Мы скажемъ Европе какъ вежливые Новгородцы: «ты себе, а мы себе».

Петръ переодель насъ въ Голландцевъ, чтобы делать наводнальное дело. Его прѣмники делали обратное. Часто подъ звонъ Кремля творился иоходъ на Россш. Мы же не будемъ бояться внешностей, отпускать бороды и надевать сапоги бутылками: не все л^ равно въ какомъ мы наряде , если идемъ по своей, столбовой дороге?

Моанако, Май 19*26 г.

Кирилль ВильчковскШ.

У насъ есть целый рядъ возражений противъ отдельныхъ пунктовъ «младоросской» программы, начиная с самого наименования. Главнее же, что мы считаемъ необходимымъ дальнейшее развитие и обоснование. Она должна выйти изъ стадии первичныхъ деклараций, неизбежно общихъ и неясныхъ; и тогда быть можетъ нынешние младороссы окончательно найдутъ себя и поймутъ, что сейчасъ всетаки не время заниматься кружковой идеологией, а следуетъ искать единаго мирозозерцания и единаго пути в действиях.

Л'. Каревинъ.

ТЕКУЩЕЕ:

По поводу полемики с евразийцами

Затихшие было нападки повременной эмигрантской печати на евразийство и отдельных евразийцев возобновились и притом в еще более недопустимом тоне. Достаточно было появиться первому номеру «Верст», органа близкого евразийцам, но не евразийского, чтобы даже такой журнал, как «Современные записки», дал место статье г. Ходасевича, содержащей ряд ложных утверждений и приближающихся к инсинуациям намеков.

В лучшем случае объяснимая на почве мании преследования статья г. Ходасевича может быть отнесена на долю недосмотра редакции «Современных Записок». Этого нельзя сказать о газетных заметках в «Последних Новостях» и особенно в «Возрождении» по поводу «Евразийского Семинара» в Париже (лекций проф. Л. П. Карсавина). Здесь на редакторов падает полная ответственность за допущение в их газетах приемов явно не литературных. Дело не в том, что репортеры не умеют правильно передать содержание лекций — это можно объяснить недостаточной подготовленностью к восприятию лекций вообще — и даже не в том, что излагают они с Враждебным пристрастием и глумлением — это объяснимо партийною ослепленностью и желанием потрафить предполагаемым читателям. Дело в прямом извращении фактов и недопустимых для уважающего печатное слово органа приемах полемики. Секретарь Семинара восстановил некоторые факты письмом в редакции названных газет, которое редакция «Возрождения» сочла нужным и приличным сократить. Здесь мы укажем на смысл упомянутых искажений. Неудавшаяся попытка приписать лектору огульное отрицание эмиграции может опорочить евразийство в ее глазах, равно как и приписывание ему выдуманной репортером фразы: «результаты революции удовлетворительны». Другие, выхваченные из контекста и неверно переданные фразы, могут представить евразийцев, как большевиков-коммунистов и как молодцов, готовящихся к физическому избиению всех инакомыслящих. С другой стороны, настойчивое употребление взятого лектором в применении к большевикам, как технический термин XVII в. означающий авантюриста и узурпатора, слова «вор» в смысле моральной квалификации может вызвать недоразумение у читателей в России. На одних подействует обвинение евразийцев в большевизме, на других — обвинение их в огульном отрицании всего творящегося в России. Наконец, пренебрежительная оценка собравшейся аудитории и уменьшение количества собравшихся более чем вдвое, утешая ненавистников евразийства в том, что убеждает в отсутствии всякого серьезного интереса к евразийству.

Все эти, не делающие чести эмигрантской повременной печати факты и ряд других фактов, о которых мы здесь не говорим, позволяют установить следующее.

1. Среди большинства эмигрантских печатных органов евразийство наталкивается на полное непонимание и на упорное нежелание его понимать.

2. Это нежелание понимать, читать и слушать сочетается с озлобленною партийною ненавистью,

3. которая оправдывает себя часто взаимно-исключающими, но по большинству измышленными мотивами, и не стесняется в выборе средств борьбы. Так указания на скрытую в евразийстве большевицкую опасность сочетаются с доказательствами некультурности и нежизненности евразийства и отсутствия к нему интереса.

4. Применяемые противниками евразийцев приемы печатной полемики свидетельствуют о морально нездоровой атмосфере и — косвенно — о разложении тех общественно-политических групп, мнения и настроения которых так ая печать действительно выражает и о невозможности для нее точно отражать здоровое общественное мнение.

5. С другой стороны, раздраженность и непристойность тона вместе с отсутствием серьезной вдумчивой критики позволяют предполагать, что имеемая ввиду печать чувствует силу и жизненность евразийского движения.

6. Проявляющийся в широких кругах общества все более интерес к евразийству, о чем свидетельствует распространение евразийских изданий и посещаемость евразийских собраний, появление родственных по своей идеологии евразийству групп, схождение с евразийцами по

ряду вопросов представителей иных общественных группировок, возрастающее участие в евразийских изданиях со стороны внепартийных и, наконец, рост самого движения, — все это подтверждает правильность евразийской общей линии.

7. Нападки патриной печати лишь помогают провести разграничительную черту между теми элементами эмиграции, которые идейно и политически умирают, и теми, с которыми у евразийцев может быть общая почва и общий язык. Так как евразийство не замыкается в косяк Идеологий, но все расширяет круг предлагаемых ему проблем и потому идет навстречу всякой серьезной и добросовестной критике, как бы редка она ни была, Мы надеемся на то, что от общения с другими общественными группами получится польза и для евразийства и для России. Если такого общения не установится, евразийцы будут продолжать свое дело одни, не сомневаясь в его окончательном успехе, но и не надеясь на помощь организованных слоев эмиграции.

Разказ студента-евразийца, прибывшаго недавно изъ СССР въ Парижъ

Обширность темы не позволяет в данном кратком сообщении и дать исчерпывающей очерк всей русской молодежи, поэтому я ограничиваюсь лишь описанием той ее части, которая была в до-революционные времена всегда застрельщицей и наиболее яркой выразительницей революционного настроения Русского общества. Речь идет о студенчестве.

Октябрьская революция открыв, согласно декрета С. Н. К., двери «всем гражданам обою пола старше 16-леть» без всяких ограничений и цензур, в том числе и образовательного, однако очень мало изменила состав студенчества. Лица, хотя и достигли 16-ти леть, но не имевшие должной для высшего учебного заведения подготовки (В. У. 3.) подготавливались сами собой и исчезали очень быстро с первых же лекций. В 1917-18-19 и 20 годы Высшая Учебная заведущая Москвы, Петрограда и других крупных городов представляла собой приблизительно ту же картину, что и в до-революционные годы. Надо здесь, конечно, оговориться, что контингент слушателей состоит из той же социальной массы, что и до революции. В области же уровня студенчества, конечно, произошли изменения, хотя бы из-за отсутствия при приеме всяких конкурсов, аттестатов, экзаменов и т. д. Заметно увеличилось количество женщин-студенток. На некоторых факультетах, как например, на Историко-Филологическом их количество перевалило за 75%; % женщин было значительно ниже в Технических В. У. 3.

Итак основным моментом жизни В. У. 3. до 1920-21 г. г., было то, что Высшая Школа еще не была «пролетаризирована». Заметьте влияние на жизнь университетов т. >а8. Рабфак (рабочих факультетов) начинает сказываться лишь с 1920-21 учебного года.

Эти годы, до начала 1921 г., прошли для большинства В. У. 3. сравнительно спокойно. Коммунистическая власть еще не была настолько сильна, чтобы наложить свою руку на высшее образование. Правда, менялись ежеминутно программы, открывались и закрывались факультеты и В. У. 3., изгонялись Профессора и т. д., но самый состав слушателей был глубоко чужд как идеям, так и методам коммунизма. Студенчество всячески боролось с коммунистами, с их реформами и, надо сказать, в эти годы не встречало больших и особенных репрессий со стороны Советской власти. Публично на студенческих митингах и общих собраниях говорились речи, выносились резолюции о которых уже в 1923-24 г. г. (о теперешнем времени я и не говорю), не приходило бы и мечтать.

Правда, потом, через несколько леть, лицам, принимавшим то или иное участие в общественной работе в В. У. 3., пришлось жестоко поплатиться и мною из них теперь томятся в лагерях и ссылках только за то, что 4-5 леть тому назад говорили или думали БПОНЬ свободно.

На беспартийное, антикоммунистическое (что собственно говоря одно и то же), студенческое движение, начинается поход с весны 1921 года, когда вся Россия была объята восстаниями и недовольством советской властью (Кронштадт, забастовки в Питере, Хамовниках, Москве, фабрики Гознак, Бромлей и др.).

Л-втомъ 1921 г. всѣ студенческія организаціи: Бюро, Курсовые комитеты, Старостаты и т. п., подвергаются полному разгрому; въ Петрограде и въ Москвѣ арестовано въ тѣ 1921 г. несколько сотъ студентовъ; организаціи объявлены незаконными и распущены, Университеты закрыты раньше времени и распущены на каникулы. Это была первая волна Правительственнаго террора. Кого же она задвѣла главнымъ образомъ?

Это были осколки стараго еще до-революціоннаго студенчества съ остатками тѣхъ же старыхъ вѣрованш и психологш.

Въ большинствѣ преобладали л-ввыя, социалистическія группировки, С.-Р. и меньшевики (особенно много послѣднихъ было въ медицинскихъ факультетахъ); факультеты филологическія и юридическія были по составу «правые» и «буржуазные» тамъ было засилье к.-д. и «иже съ ними», однако и тамъ было много различныхъ отгнковъ социалистовъ.

Какой либо правый (въ эмигрантскомъ смысле этого слова, ибо съ Советской точки зрѣнія ВСЕ, начиная отъ меньшевиковъ, уже правые), среди студенческихъ лидеров и среви активныхъ студентовъ, былъ весьма рѣдкимъ исключедемъ. Разгромленныя Советской властью л-втомъ и осенью 1921 г., эти группы студенчества пытаются вступить въ бой съ коммунистами, но очень быстро сходятъ на н"вть.

Въ В. У. З.'ахъ уже появилось новое студенчество, далеко не коммунистическое, но одинаково чуждое и старымъ партшнымъ группировкамъ — это были студенты *поступлеція 1920-21 годовъ*.

—И вотъ въ зиму 1921-22 г. г., мы видимъ какъ меняется фронтъ борьбы въ стѣнахъ В.У.З. овъ. Старые партшные лидеры постепенно уходятъ со сцены, кто уже кончаетъ В.У.З. кто отходить отъ общественной работы, кто высланъ и т. д.

Появляется новый, огромный численно, безпартшный слой студенчества. Борьба въ В. У. З.'ахъ идетъ уже не подъ партшнымъ флагомъ, но нестройными рядами, невыдержанно и плохо организовано, но чрезвычайно упорно на всемъ широкомъ фронтѣ университетской жизни.

Надо заметить, что съ каждымъ годомъ позиція коммунистовъ въ В. У. З.'ахъ все укрепляется и укрепляется. Благодаря разнымъ льготамъ и подтасовкамъ при прѣмахъ ихъ число неустанно растетъ, достигая въ 1922 году уже солидной цифры по несколько сотъ человекъ на факультетахъ. Ячейка Р. К. П. Московскаго Высшаго Техническаго Училища быв. И. М. Т. У. того времени (1922 г.) насчитывала около 600 человекъ — это была уже хорошо организованная и дисциплинированная армія.

Меняются и самыя формы борьбы, — уже реже слышны трескучія резолюціи, появляется типъ работы, называемый «тихой сапой», уже приходится учитывать ростъ и вліяше коммунистовъ, въ цвломъ ряде вопросовъ итти съ ними совместно, чтобы получить возможность въ другихъ выступить противъ. Выступлеція стали осторожными часто соглашательскаго и полу-соглашательскаго типа.

Въ общемъ надо подчеркнуть, что этотъ новый безпартшный слой, въ огромной своей массѣ, уже не былъ такъ непримиримъ въ отношенш коммунистовъ, несмотря на все свое несочувствіе идеямъ коммунизма и даже, отдвльнымъ коммунистамъ. Онъ не отказывался итти работать совместно съ ними, — появился взглядъ, что если бросить, уйти, предоставивъ коммунистамъ однимъ править студенчествомъ и В. У. З.'ами, то, намъ, безпартшнымъ, будетъ хуже, — поэтому лучше оставаться «у власти», цепляясь за остающаяся позиціи изъ послѣднихъ силъ. — Это былъ своего рода «подвигъ власти». Безпартшные студеты, работая въ разныхъорганизаціяхъ, приносили себя въ жертву. Имъ грозило не только терпеть рядъ унижительныхъ порой компромиссовъ, но, въ большинствѣ случаевъ, исключеше изъ В.У. З.'а, арестъ и ссылка въ Сибирь. И все-таки мнопе шли на это, такъ велика была жажда сопротивлешия и такъ захватывалъ ихъ процессъ борьбы.

Это новое студенчество пережило несколько послѣдовательныхъ волнъ правительственнаго террора весной и летомъ 1923 г. Наконецъ остатки активныхъ студентовъ были разсеяны и загнаны съ 1924 года въ подполье и съ этого года начинается безраздельное и безграничное властвованіе коммунистовъ во всѣхъ В. У. З.'ахъ.

Въ 1923-24 г. г. наступила пассивность, индифферентизмъ, которые продолжаются и по нынѣ.

Но надолго-ли? *Еще Зиновьевъ отггтилъ, что нарождаются катя-то, пока неясныя, новыя общественныя движенія*. На смену отжившимъ старымъ идеолопамъ, разбитымъ ЕѢ процессе революціи, идетъ какая-то новая идеолопя, родившаяся въ революціи.

Разберемъ же терпев основные слои и группы современной молодежи, Ихънесколько:

1. Слои коммунистически, который можно разбить, въ свою очередь, на несколько «настроенш».

а) Искренныя, убежденные коммунисты, пропитанные насквозь «Евангеліемъ» Маркса и вне его не видяще жизни — это сухіе доктринеры, неспособные критически мыслить и въ общемъ для будущей Россш этихъ людей, въ огромномъ болвшинствѣ, можно считать погибшими.

б) Убежденные коммунисты, но способные относиться критически къ Марксизму или къ некоторымъ его утвержденіямъ; среди нихъ находить прштъ всевозможная «оппозиція», «Троцкизмъ» и т. д.

Такихъ много среди комсомольцевъ, это слой вполне пригодный, хотя и трудный, для Евразшской работы.

в) Коммунисты-карьеристы, этихъ огромное большинство, ихъ неграмотность въ области Марксизма иногда поражаетъ, что поэтому часто является темой для различныхъ советскихъ анекдотовъ на этотъ счетъ.

У нихъ известная «революционность» настроенія связана неизменно съ возможностью личной выгоды.

Евразшская работа среди нихъ представится легкой въ тотъ моментъ, когда быть Евразшцемъ станетъ выгодно, вопросъ лишь въ томъ, будутъ-ли они-то пригодны какъ кадры Евразшства?

г) Коммунисты по нужде, по легкомыслу или по инерши. Въ эту графу надо отнести техъ, кто такъ или иначе, но былъ принужденъ (именно принужденъ обстоятельствами, но не самъ вступилъ) вступить въ В. К. П., съ ними психологически сближается типъ коммуниста по легкомыслу, подъ вліяшемъ товарищеской среды, жажды проявитъ на общественномъ поприще свою деятельность.

Эти люди, какъ правило, легко и безъ «остатка» отходятъ отъ коммунизма и не имеютъ того психологическаго, специфическаго типа, того своеобразнаго излома мышлеши, который такъ отличаетъ коммунистовъ группы а) и б) и которому стремится подражать группа в).

Коммунистами «по инерши» я называю техъ, кто принадлежитъ къ партш въ силу своего рождешя — это болвшей частью дети старыхъ коммунистовъ, наркомовъ и вообще коммунистической правящей верхушки.

Ошибкой было бы думать, что все коммунисты «по инерши» обязательно должны входить въ первую группу а) или б). Мне случалосъ встречать детей известныхъ коммунистовъ, далеко не коммунистическаго образа мыслей, несмотря на свою принадлежность къ В. К. П. Какъ видно и среди коммунистовъ существуетъ вопросъ «Отцовъ и детей».

Въ этой последней группѣ (г) много Евразшскаго матеріала, здвсв много недурныхъ ребятъ, комсомольцевъ, привлеченныхъ въ ряды партш и комсомола лишь жадной проявитъ себя, жадной выявить энерпю и деятельность, имъ часто чужды матеріальные интересы, а коммунизмъ, какъ идея, для нихъ лишь средство, а не цель.

2. Безпартшное студенчество. Здвсв группировки гораздо менее отчетливы, чемъ въ В. К. П., однако постараюсв ихъ наметить:

Кто ТаКіе эти самыя безпартшныя?

Изъ кого состоитъ этотъ загадочный сфинксъ?

Въ большинствѣ это люди не оформившеся, люди ввнроше въ революціи, впитавше въ себя многое, что далъ большевизмъ, но отрицающе Марксизмъ, какъ базу, какъ догму.

Прхемлюще революціи и все ея завоеваніе, кроме одного: самихъ коммунистовъ съ ихъ коммунизмомъ.

Въ области настроенш здвсв преобладаетъ, пожалуй, анархизмъ, отрицаше всего, что было; отрицаше всѣхъ старыхъ партш и группировокъ. Міровоззреше этой массы, ставшей такъ или иначе «Советской», пропиталосъ многими советскрми традиціями и привычками. Эта молодежь пріяла многое изъ разрушительной силы революціи, она согласилась, что

многое разрушено правильно и хорошо, но в области положительная творчества она стоит в тупике. То, что творят коммунисты, ей непрелемо и чуждо, а то, что нужно творить, она сама еще не знает, может быть лишь чувствует неясно и безформенно.

Воистину справедливо можно сказать: «вот люди, нуждающиеся в систематизации».

Как же основной группы безпартийной студенческой молодежи?

а) Осколки старых партий: очень правда немногочисленный, с преобладанием в левых: с.-р., меньшевики, левые с.-р., максималисты и анархисты. Вокруг этих осколков иногда группируются группы и кружки молодежи еще не оформившейся, но слегка сочувствующей — эта молодежь ищет выхода в разных направлениях. — Здесь Евразшская работа весьма желательна, ибо часто вместо хорошего с.-р. мог бы получиться прекрасный Евразец, лишь столкнись он в свое время с соответствующими идеями.

Надо также иметь в виду, что часто в таких группах собирается лучшее, что есть в нашей молодежи, все активное, все то, кто ищет, и, во всяком случае, враждебен коммунизму.

Им надо лишь разъяснить всю бесцельность их исканий назад и дать толчок к исканиям вперед. Впрочем надо отметить что огромное большинство из них и так это отлично понимает и обращается к старым партиям лишь потому, что не видит и не знает нового. Все эти молодые люди: с.-р., меньшевики, анархисты и т. д., им-бють однако мало обшего с тем типом партийного старого с.-р. или меньшевика, находящаяся в эмиграции, — это все же новые люди, правда пытающиеся пойти по старым, затоптанным путям. Задача Евразшства — отслоить отсюда все свежее и лучшее и пустить его по новым тропам к новым целям.

б) Студенчество в полном смысле слова безпартийное, находящееся в настоящее время в «инертном хаосе», в состоянии пассивности и индифферентизма. Здесь можно встретиться с самыми различными настроениями, от крайних правых до почти коммунистических. Попадает и тип студента весьма «право» настроенная — это тип студенчества, соответствующий типу русских студентов в эмиграции.

Попадает тип студента анти-коммуниста, анти-партийца, так сказать, современный тип нигилиста, отрицающий старое и новое, во всем разочаровавшийся и все критикующей, никому не вверяющий и никого не признающий.

Во всей этой (б), наиболее многочисленной массе безпартийных, еще как видно не нашедшей своего подлинного лица, бродят осколки прежних мировоззрений, которые причудливо у каждого индивидуально, переплетаются с коммунистическим и со своими собственными

Все это еще не продумано, находится в хаосе, в состоянии брожения и искания. Одним словом это то, про что Зиновьев сказал: «*что нарождается новая идеология — именно нарождается, а не народилась.* — Для Евразшства здесь огромное поле деятельности сп-хь, ибо оно и есть, то желанное третье, которого в та-

, всеоружив, помимо штыков, лостной идеологией Шрксизма, антикоммунизм борется широким нестройным фронтом неорганизованно и стихийно, без идеологии.

Спектр его борьбы — от террора до соглашательства с коммунизмом.

Эта борьба должна войти в определенные рамки крепкой и сильной идеологии, нестройный фронт разобщенных борцов должен быть спаян в стальную когорту бойцов — это и есть актуальная задача Евразшства.

Париж. 28 Июня 1926 г.

Д.

Балканы

Весною этого года на заседании Совета было принято решение командировать одного из его членов на Балканы для установления более тесной связи между Евразшскими организациями в Югославии Болгарии Центром. До сих пор связь эта поддерживалась почти исключительно перепиской.

Значение Балкан, как одного из крупных средоточий русской эмиграции не может быть преуменьшено, особенно в виду того, что там, м. б. более чем где либо, собрались молодые контингенты, органически наиболее приспособленные к волеизъявлению, возраст и прошлое которых дают им возможность не только перестроить свои отношения к русской проблеме, но и сделаться активным и творческим элементом в создании Евразшской политической системы, и к выделению того действительного отбора к которому стремится Евразшество. На Балканах, как и всюду, задача Евразшской работы является двойной: распространение основных положений и выделение и организация тех, кто по своим личным качествам и настроением наиболее соответствующим активным и конструктивным задачам Евразшства.

В данном описании предполагается не столько входить в подробности поездки, сколько дать общее впечатление о местных настроениях и пожеланиях и о произошедшем обмене мнений для сведения широкого круга читателей Хроники-

В мою задачу на Балканах входило информировать ответственных работников о ходе Евразшской работы в Центре и на местах и о планах и задачах на ближайшее будущее, ознакомиться с постановкой дела в Болгарии и в Югославии и по соглашению с местными Евразшскими организациями наметить пути для направления этой работы в общее русло.

Вотаря. Работа в Болгарии произвела на меня самое радужное впечатление. Наш представитель в Софии и его ближайшие сотрудники действительно поставили дело на должную высоту и мне кажется нет на малейшего сомнения в том, что оно должно быстро расти, укрепляться и развиваться. Этому в значительной степени способствует самый характер эмиграции в Болгарию. Пожалуй более чем в большинстве других стран эта эмиграция сохранила яркое горение патристических чувств, меньше ушла в заботы повседневного существования и личные интересы ее не поглотили, (как это особенно заметно на западе), внимания массы от общего дела. Все это облегчает работу по выделению элементов которые в Евразшстве, видят тот новый и емкий с тем искони русский подход к русской проблеме, не только способных к волеизъявлению уже выработанной системы, не готовых к творческой работе, к созданию того, чему Евразшество за свое короткое существование успело положить общее и прочное основание.

На собраниях 26-го августа в Софии и 28-го на Перинке я познакомился с ответственными работниками. В Софии же, кроме местных я встретился с некоторыми представителями из ближайших к столице Евразшских организаций. К сожалению кратко не могла побывать в Болгарии не позволила мне побывать в провинции (кроме Перинки) и мое знакомство с провинциальными Евразшскими ячейками поневоле ограничилось весьма обстоятельным сообщением нашего представителя, которому теперь поручено объехать некоторые из них для сообщения о принятых решениях и о произошедшем обмене мнений.

На этих собраниях особенно живой интерес присутствующих был вызван обсуждением вопроса о необходимости перехода к разработке практических применений евразских положений в области государственного строительства, национальных вопросов, экономики, земельного и рабочего вопросов и т. д. не в характеру большинства присутствующих вопросы практики должны были вызывать гораздо больше внимания, чем вопросы идеологии в чистом виде. Это является к тому же не местное, а замечается всюду где ведется евразская работа и является так сказать знаменем времени, естественно вытекающим из нормального роста Евразства. Несмотря на предвзятую и часто намеренную недобросовестную критику Евразство вывало и отстояло свои основные идеологические положения. В данное время необоснованные и вздорные обвинения уже не имеют успеха и одно из серьезных обвинений против Евразства заключается именно в отсутствии у нас разработки вопросов практики в том, что стремясь влить в евразский отбор все жизненно активные силы России, оно до сих пор не дало ответа на вопросы государственного, правового и экономического характера. В обвинениях этом есть, конечно, некоторая доля правды, но это составляет не недостаток а преимущество Евразства. В самом деле, почему у всех эмигрантских течений от В. М. С. до «возвращенцев» имеются программы? Просто потому, что ими приняты или существования или существующая, не в ира на то, что все это так или иначе обанкротилось. Евразство с другой стороны и обязанность нашего поколения, которое должно на опыте прошлого и настоящего новую Россию, а не приспособляться к устаревшим и отжившим или отживающим коммунизму) «программами. Ибо нужны не реформы, а именно строительство. Нет ничего удивительного поэтому в том, что Евразство с большой осторожностью подходит к этой части своей задачи и хотя основные положения Евразской политической системы и были намечены, но фактически к разработке ее Евразство только что приступило. При этом не следует забывать, что для нас вопрос идет не о разработке конституции или законодательный» проектов, чем так любят заниматься эмигранты. а об изучении и разработке самых общих положений. Подробности могут быть разрешены только в - России

Что касается усвоения, проникновения и распространения идеологии среди русских элементов в Болгарии то совершенно очевидно огромные успехи Евразства занимающего прекрасное исходное положение для дальнейшего развития.

Мне не хочется останавливаться на вопросе других политических настроений в Болгарии. Обширная русская эмиграция разделившись имеет место и там (и в Югославии), но масса стоит в стороне от них, даже те части ее, которые считаются сторонниками того или иного движения. Этим особенно отличается от них Евразство, которое стремится не к длинным спискам, а привлекает сторонников своих и работников возможностью принять участие в создании системы, которая должна объединить все дееспособные элементы в России и за рубежом и создать необходимые кадры для того чтобы через свержение коммунистической власти перейти к созданию новой русской государственности.

Пожелание местных работников сводилось к следующему: установлена порядка более частой и подробной информации о ходе евразской работы, увеличена количества присылаемой литературы, популяризация основных положений Евразства, изложенных во временниках и широкое ведение занятий по познанию России.

Можно быть уверенным, что установленный порядок и выполнена, по возможности, пожелания усиливать и укреплять нашу работу в Болгарии и еще теснее свяжут ее с Центром и другими евразскими организациями, достигая таким образом необходимого единства действий.

Югославия. Евразская работа в Югославии протекала и развивалась в условиях сильно отличающихся от болгарских. Обстановка в которой приходилось работать гораздо сложнее, почему и результаты не могли еще сказаться так же ярко, как в Болгарии. Следует упомянуть, что в Белграде чуть ли не со времени Крымской эвакуации утвердились некоторые организации крайне правого испанского характера, которые в своей борьбе за

преобладающей, благодаря местным связям и условиям, захватили преобладающее влияние на материальное благополучие беженской среды. Надо признать что апогей этих организаций уже в прошлом и что они уже не представляют из себя той силы, которой они были еще в прошлом году. Тем не менее с ними приходилось и приходится считаться и действовать соответственно. Ко всему этому надо прибавить что евразской работе придана организованная форма лишь около года тому назад. Всем этим обусловлено то, что работа евразской организации в Югославии отстала от других и находится в периоде подготовительном.

Тем не менее и здесь безответственные обвинения Евразства в про-большевизме, сменевеховстве, реакционности и т. п. совершенно утратили свое значение. Интерес к Евразству отчасти даже пробудился вследствие кападских на него нападений. Образовалась в достаточной степени сплоченный круг лиц изучивших наши положения и являющихся сейчас двигателями евразского дела в Белграде. Работа и здесь постепенно выходит на нормальный путь.

Состоявшееся 2-го октября собрание почти дословно повторило Софийское и Перникское. После информации о ходе евразской работы, произошел обмен мнений. Пожелания высказанные в Белграде были те же что и в Болгарии, главным указывая насколько эти настроения сейчас преобладают в евразских кругах. Поэтому я не считаю нужным на них останавливаться а лишь отмечаю факт их совпадения. Из принятых решений отмечаю проект устройства еженедельных сообщений по познанию России и детальному ознакомлению, в связи с этим, с современным положением и евразскими установками, как в вопросах идеологических, так и государственно практических.

Как в Болгарии, так и в Югославии чувствуется недостаток в материалах по ознакомлению с современной Россией. Сведения появляющиеся в эмигрантской печати далеко недостаточны, как в смысле своей полноты, так и в отношении своей оценки тех или иных процессов. Последняя всегда окрашена ярко партийными настроениями и поэтому страдает отсутствием беспристрастности. Необходимо чтобы сведения эти взаимно дополнялись данными советской прессы и литературы и, в порядке изучения всего исторического момента имели бы свое отражение и оценку в Евразстве. Только путем такого изучения может выковаться плодотворное знание России для чего одинаково недостаточно изучение советских и эмигрантских источников в отдельности. Нельзя забывать, что в сложившейся обстановке «русское больше России», что лишь путем сложного соединения настоящего и прошедшего, путем изучения внутренне скрытых процессов русской жизни, путем исчерпывающего использования той свободы слова, которой лишены наши единомышленники в России мы можем творить великое русское дело, составляющее задачу Евразства.

В заключение мне хотелось бы отметить одно мое впечатление из опыта ознакомления с Евразской работой на местах, довольно обширного в этом году и обнимающего почти все наши организации в Европе и Америке. Несмотря на разницу обстановки и условий существовавшая и работы настроены всюду более или менее одинаково. Сейчас оно характеризуется общим ожиданием использования евразских установок при разработке вопросов государственного строительства во всей сложности этой проблемы. Это явление совпадает с решением центра и с началом нового периода евразского творчества и должно быть периодом разработки евразской политически-государственной системы.

П. М. М.

Лондон, 15 Сент. 1926 г.

/

Евразшцы въ Бельгш

{Цисью изъ Брюсемп}

Евразшетво не было почти известно въ Бельгии, когда въ самомъ начале 1926 года я приступилъ къ работе. Кругъ моихъ знакомыхъ былъ настолько невеликъ, что первой задачей явилась необходимость его расширить. Я составилъ шгдующш планъ работы: объединить несколько человекъ для периодичеокикъ собранш, въ ц-бляхъ собееьдованiя на обще-культурныя темы. Служба и доманшя заботы за-ьдаютъ каждаго рядового беженца и идея хотьразъ въ неделю посидеть за чашкой чая, беседа на темы отвлеченныя, встретила сразу сочувствiе ряда лицъ.. Въ скоромъ времени (въ начале февраля) у меня еженедельно заседадо человекъ десять на предметъ организацш въпартiйнаго объединешя подъ назвашемъ «Общество Русской Культуры». Эти еобрашя вызвали интересъ въ русской колоши. Однако разнородность участниковъ встретила со стороны многихъ недружелюбное отношение.

Къ началу марта «Общество Русской Культуры» приступило къ ооставлешю устава и, какъ полагается, на этой работе сперва расколосось, а затъмъ просто перестало существовать.

Въ это время въ мьетномъ информационномъ листкв помещено было объявлеше: «Интересукищесе евразшскимъ движешемъ благовоить обращаться по такому то адресу. Литература выдается бесплатно». Целый рядъ лицъ изъ разныхъ слоевъ беженцевъ откликнулся на это объявлеше и литература пошла по рукамъ. Каждый приходившш за ли^тературо^ сперва подвергался некоторому опросу, а затъмъ я разьяснялъ общяя положешя евразшства и соответственно тому, Какiе вопросы особенно интересовали собеседника — я выдавалъ тв или инья брошюры.

Въ середине марта* редакция журнала «Благонамеренный» предложила мне воспользоваться ея помещешемъ для периодическихъ докладовъ съ расчетомъ на аудиторш въ 30-40 человекъ. Решено было собираться по средамъ въ 8,30 ч. вечера, причемъ не придавать собрашямъ специфически евразшскаго характера, и привлекать лекторовъ разныхъ направлений, оставляя евразшцамъ возможность иногда являться въ виде докладчиковъ, а иногда въ.виде оппонентовъ. Конечно, все лекцш должны были подвергаться предварительной цензуре инициативной группы '(евразшцевъ).

Первый докладъ я прочелъ на тему «18 брюмера, его организаторы и ген. Бонапартъ». Въ этомъ докладе я особенно остановился на роли аббата Сиса или, вернее, на идеологш его, которая предшествовала перевороту и которая легла въ основу всей деятельности Бонапарта. Не касаясь вопроса о сходстве или различш ообытш французской и русской революцш, я доказывалъ, что на смену демагогическимъ и реставрашоннымъ идеямъ должна придти идея творчества. Только созидательная работа способна объединить наиболее еильныхъ и здоровыхъ людей безотносительно къ ихъ прошлому въ единой цели будущаго.

Второй докладъ былъ на тему: «Восточная проблема». Лекторъ, молодой евразлецъ, обладалъ богатымъ матерiаломъ изъ советской литературы по китайскому и японскому вопросу, который онъ сочеталъ съ матерiаломъ книги Головина и Бубнова «Тихоокеанская Проблема»..

Третья «среда» была посвящена докладу проф. Ауэрбаха: «Мiровья противоречiя и Росая». Въ этомъ вопросе докладчикъ доказывалъ особенный характеръ русской культуры въ прошломъ и въ будущемъ и выдвигалъ идею Россш-Евразш, какъ цълостнаго самодовлеющаго культурно-экономическаго континента.

Четвертая «среда» — докладъ Кн. Шаховского о современной поэщ, Ознакомивъ слугшателей съ наиболее характерными произведешями поэтовъ XX столетия, докладчикъ далъ очень интересную оценку современна™ творчества въ близкой ему области поэщ.

Перечисленные доклады постоянно сопровождались прешями, во время которыхъ я могъ близко познакомиться со взглядами присутствующихъ на различные вопросы. Изъ состава аудиторш несколько человекъ прочли брошюры и примкнули къ организационной работе.

После такой подготовки состоялся мой докладъ на тему «Проблема Евразшства». Я ужъ насчитывалъ половину аудиторш лицъ более или менее вошедшихъ въ Евразшетво. Желая кратко проформулировать сущность Евразшства, я сотавилъ плакатъ » на которомъ большими буквами отмѣтилъ основные тезисы лекцш.

«ИДЕИ И МЕТОДЫ ЕВРАЗIЙСТВА»

« Е в р а з i я »	географически исторически экономически культурно
« Е в р а з i й с т в о » Учете: I.	Самобытность культуры Бытовое исповеди ичество Государство Правды Форма и сущность
ч*>»	II. Третш Максимализмъ Белое движение Большевизма Идея творчества
	III. Релипя Воинствующая и подчиненная экономика Марксизмъ какъ релипя Православiе
Программа:	Вопросъ о конституцш Проблема монархш Церковная реформа Просвещеше Ремесленные парламенты Земельный вопросъ Рабочш вопросъ
Тактика:	Отборъ кадровъ Подданство идеи Подвигъ власти.

Шестая «среда» — «О скиескомъ элементе въ русской литературе». Князь, Шаховской прочелъ стихотвореше «Двенадцать» Блока и статью П. П. Сувчинскаго о немъ. Вторая часть доклада была посвящена стихотворному изложению «жизтя протопопа Аввакума». Затемъ последовалъ обменъ мнений.*>

Седьмая «среда» — докладъ: «Николай I-й и национальный вопросъ». Докладчикъ — не евразлецъ. Хотя его оценка не сходилась съ нашей, но затронуты были крайне интересный темы: декабристы, славянофилы, западники — словомъ общественныя течешя середины прошлаго столетiя, что вызвало живой обменъ мнгнш.

Восьмая «среда» — «Бвразшское пути къ социальному Мiру». Проф. Ауэрбахъ подробно разобралъ все существующе пути къ разрешенш борьбы труда и капитала. Доказавъ цѣлостность или неприложимость въ условiяхъ Евразш ГБХЪ или иныхъ методовъ —

адчик доказывал, что без духовного начала без перевоспитанья общества на новых принципах никакое разрешение проблемы невозможно, ибо в нынешнем состоянии европейской культуры, может осуществляться либо диктатура капиталистов, либо рабских.

После доклад сдалась прі-взжавшій изъ Парижа прсф. Б. П. Вышеславцевъ. Накануне онъ читалъ въ «Institut des Hautes Etudes» публичный доклад «Кризисъ общественнаго идеала». Эта первая лекція, посвященная критике идеологическаго, явилась какъ бы вступлениемъ къ следующей лекціи въ помещенн «Благонамеренная». Здесь проф. Вышеславцевъ коснулся вопроса будущаго и подробно разобралъ учение Евразшства, какъ единственный путь исцвляюща современнаго кризиса. Ораторскш талантъ и эрудиция лектора произвели сильнейшее впечатл-вше на слушателей.

Начавшіеся экзамены въ университетахъ лишили насъ очень ценной части аудиторш и решено было сделать перерывъ нашихъ «средъ» до осени. Такимъ образомъ, за 9 докладовъ-собеседованш въ 2% месяца удалось ознакомить съ евразшствомъ широкш кругъ лицъ.

Одновременно съ этимъ, продолжая вести работу въ Брксель, собирая у себя по понедельника мъ лицъ, выразившихъ интересъ къ моей работе, я еще въ апрѣль началъ разсылать брошюры въ провинціальныя города и завелъ обширную переписку.

20-го мая я читалъ докладъ (идеи и методы евразшства) въ Лувенъ исключительно студентамъ. Интересъ былъ проявленъ крайне живой. После доклада образовался рядъ группъ, горячо дебатировавшихъ затронутые тезисы.

23 мая тотъ же докладъ былъ прочитанъ въ Льеже въ небольшой аудиторш. Оппонентомъ выступилъ В. Г. Гудинъ. Вполне разделяя идеи евразшства г. Гудинъ оспаривалъ туранскую теорию кн. Н. С. Трубецкого. Специальное изучение этого вопроса приводит по его мнѣшю къ одному и тому же выводу, какъ и у кн. Трубецкого — «Мы не европейцы». Но предпосылки его совсѣмъ иныя и во многомъ прямо противоположны. Г. Гудинъ склоненъ считать русскихъ более чистыми аршцами, чемъ европейцевъ. Я просилъ г. Гудина изложить эти мысли въ форме статьи для нашей «Хроники». Этотъ докладъ въ Льежѣ явился т. ск. подготовительнымъ для предстоящаго осенью, поелъ экзэменовъ и каникулъ — публичнаго доклада.

12 шня состоялся докладъ въ Жамблу и 3 шля въ Гентъ въ студенческой средѣ. Новая идея, новые пути мышления вызвали не всегда сочувственный, но неизменно сильный интересъ къ затронутой проблеме и прешя затягивались до поздней ночи.

Предстоятъ доклады въ Шарлеруа, Антверпене и Монсѣ. Во всѣхъ упомянутыхъ пунктахъ имеются лица, специально выдающія раздачей литературы. Опытъ показываетъ, что лучше сперва прочесть докладъ, а затѣмъ уже раздавать брошюры, ибо чтеше ихъ безъ общей предварительной формулировки вызываетъ иногда упрекъ въ слишкомъ большой отвлеченности и въ отсутствш связи съ практической стороной жизни.

Самой тяжелой стороной работы, явилось то обстоятельство, что несмотря на оживленную переписку съ центромъ, я все же чувствовалъ себя оторваннымъ отъ него, т. к. не имѣлъ случая говорить съ членами Совета Евразшства. Расширеше работы и целый рядъ идеологическихъ и практическихъ вопросовъ требовалъ близкаго контакта. Для установлешя такового 19-го шня прибылъ въ Брюссель П. П. Сувчинскш.

Этотъ прі-здъ имѣлъ главной целью установленіе близкой связи центра съ местной ячейкой а потому никакого публичнаго выступлешя не предполагалось. Несколько дней прошло въ непрерывной бесѣд-в, обсужденш всѣхъ назрѣвшихъ вопросовъ. Особенно цѣннымъ явилось заключеніе что Евразшство настолько исчерпывающе въ своей сущности, что даже работая въ стороне и не будучи лично знакомъ съ идеологами — все же установлена полная солидарность во взглядахъ даже на вопросы не прошедше черезъ специальную евразшекую разработку.

20-го было устроено небольшое собрание наиболее близкихъ мнѣ по работъ лицъ дабы познакомить представителя центра съ местными работниками. Идеиная близость сразу созидала некоторую интимность. Здесь боялись увидѣть въ прі-взжемъ представитель- партшнаго безапелляціонанно оракула — своего рода евразшекаго «Ваше Превосходительство». Евразшство должно поощрять самостоятельность адептовъ направлять ее въ правильное русло, а не обращать рядовыхъ въ роль исключительно грамофонныхъ пластинокъ.

Пргвздъ П. П. Сувчинскаго значительно всѣхъ насъ утвердилъ въ правильности взятой линш. Идея привлеченія молодыхъ силъ къ участш въ разработк-в различныхъ вопросовъ въ формѣ докладовъ или статей для «Хроники», встретила горячее сочувствіе.

И. Степановъ.

6 шля 1926 г. г. Брюссель.

II.

Докладъ И. Степанова

14 шля состоялся докладъ И. Степанова въ Institut des Hautes Etudes въ г. Брюссель. Организованъ онъ былъ по инициативѣ председателя Брюссельскаго Монарх. Объед. А. В. Гладкова. Аудиторія состояла исключительно изъ членовъ монархическаго объединешя и національнаго студенческаго союза. Докладъ почтилъ своимъ присутствіемъ настоятель церкви о. Петръ Извольскш.

И. В. Степановъ началъ следующими словами: «Проблема Евразшства заключается въ разработке новой идеологии, новаго міровоззрѣнія на снованіи историческаго опыта. Въ своихъ заключешяхъ мы иногда правѣ правыхъ, а въ иныхъ случаяхъ л-ввѣхъ л-ввѣхъ. Въ такомъ виде Евразшство представляется многограннымъ. Казалось бы, въ аудиторш монархистовъ было бы легче всего коснуться тѣхъ культурно-историческихъ и религіозно-философскихъ предпосылокъ, которыя встретили бы ваше сочувствіе. Такой докладъ я и приготовилъ».

Докладчикъ коснулся оценки Московская и Петербурга періодовъ русской истории, объяснилъ евразшское пониманіе революціи, блага движешя, религіозный характеръ марксизма, значеніе нэпа и т. наз. ленинизма и подробно остановился на необходимомъ различш прѣемовъ борьбы съ одной стороны — съ идеями и съ другой стороны, съ методами советскаго правительства.

Докладъ занялъ полтора часа, после чего приблизительно столько же времени длился обменъ мненш. Съ репликами выступили около десяти человекъ. После каждая оппонента, докладчикъ давалъ разъясненія.

Первымъ выступилъ прѣде. Монар. Объед. А. В. Гладковъ. Онъ признался, что впервые слышитъ формулировку Евразшства, мнопя положешя разделяетъ но считаетъ однимъ изъ главныхъ недостатковъ учешя — отсутствіе того твердаго фундамента, какимъ является монархизмъ.

Отвѣтъ. — Историческш лозунгъ: «За Веру, Царя и Отечество» — никогда не находился въ равновесш. До Петра центромъ являлась идея «За Веру», «За Правду». После Петра центромъ сталъ лозунгъ «За Царя» и съ этого времени «Вера» и «Отечество» стали въ подчиненное къ «Царю» положеше. Въ наше время центръ перешелъ на «Отечество», и съ этого угла зрешя разматривается «Вера» и «Царь». Мы находимъ эту точку зрешя неправильной и стремимся возстановить, главенство исконной нашей формулы «За веру, за правду». Монархизмъ безъ монарха теряетъ свою силу. Если правда, что въ Россш такъ сильны монархическая идеи, то коммунисты не задумаются ими воспользоваться, чтобъ по рецепту «Сюнскихъ Протоколовъ» поставить своего «царя». Евразшцы считаютъ, что только Православная Вера — критерш которой никогда не можетъ быть использованъ коммунистами въ своихъ ЦБЛЯХЪ.

Г. Сахновскш (членъ Заруб. Съезда). — Наши Цари твердо держались Веры и требуя служенія «царю» — считали себя подчиненными «отечеству».

Отвѣтъ. — Сославшись на антирелигіозную политику Петра и Екатерины II, докладчикъ указалъ на падеше монаршш вследствие подчинешя «отечеству». Троекратное отречеше Романовыхъ, есть ничто иное, какъ выдвиганіе Отечества надъ всѣмъ остальнымъ. Царь чувствовалъ необходимость мира, которая жаждалъ народъ. Европеизованная обще-

ственною выдвигала чуждый народу лозунг «война до победы союзников». Ленин правильно учел обстановку и лозунг «мир» дал ему власть.

Г. Балашовъ. — Выходит что вы отрицаете национализм и возражаете против патриотизма?

Отвѣтъ. — Не люблю я «национализм» и «патриотизм». Не хороши они дали плоды на русской почве. Мы, евразийцы, считаемся с фактами русской революции, но совсем не считаемся необходимыми завоеваниями французской революции. Национализм — «La nation» — это лозунг Мирабо, Лафайета, герцога Орлеанского и т. д. «Les patriotes» — это лозунг Робеспьера и Дантона. Им же принадлежит «Единая неделимая» — «La Republique une et indivisible».

У нас другая культура. Наши предки скифы пошли на царя лишь тогда, когда он тронул их святых. В смутное время ополчение создалось, когда общественность захотела посадить католика на престол. Татары не обращали нас в свою веру и тем создали большое сближение народов. В 1812 г. народ поднялся на Наполеона, как на Антихриста, жегша Москву — святую. К славянам мы шли, как к братьям по Вере.

Национализм пустое слово. Им в 1920 г. Брусилов пользовался для защиты Советов. В 1917 г., во имя национализма, мы терпели Керенского. Националисты и Милюков и Марков и Струве. Самобытный русский дух не европейский национализм, — он прежде всего религиозен.

Вопрос. — Напрасно так нападают на церковное управление императорского периода. Петр иногда д-лал ошибки, но в его царствование построено много церквей, сам он постоянно бывал в церкви и пел на клиросе. В последние 200 лет явились святые Серафим, Иоасаф, Питирим и друг.

Отвѣтъ. — Весь вред, нанесенный православию подчинением церкви Государству, м. б. лишь предметом очень серьезного и внимательного разбора, а потому предлагаю интересующимся ознакомиться с евразийской литературой по этому вопросу. Считаю делом подчеркнуть, что задача церкви в настоящее время — есть полное отделение от власти, ибо в противном случае она окажется орудием капитала, контр-революции и реставрации.

Вопрос. — Евразийство шаткая позиция и раз признавая революцию, идеологи легко пойдут на полное признание Советской власти — и коммунизма.

Отвѣтъ. — В докладе я обратил особое внимание на принцип «отбора» кадров. Но, конечно, и у нас могут оказаться как и всюду провокаторы типа генерала Комиссарова. Это не нарушает идейной стороны — нашего истинного критерия. О будущем наших идеологов я не гадаю. Но я должен сказать, что именно у монархистов уже принят скользкий путь. Отказавшись от признания царского достоинства за определенным лицом *** вы с точки зрения чистого монархизма пошли по Пути нелегитимной монархии. 8 месяцев назад здесь читал доклад Н. Е. Маркова II. Он говорил, и я сам вместе с присутствующими слышал, что «надо идти на интервенцию иностранцев, надо сдаваться на их требование, надо соглашаться на иностранную оккупацию», — словом идти на китаизацию России. Вот вредный путь, по которому идут монархисты и я не понимаю, как эти идеи гармонируют с «национализмом» и «патриотизмом».

В дальнем Шемь вопросы свелись к разъяснению отдельных пунктов доклада, как например, слова «Евразия», «от Ноевие к Западу и к Востоку» и т. д.

В заключительном слове преде. Монар. Об. А. В. Гладков отменить небывалое оживление, вызванное затронутыми проблемами, и выразил пожелание дальневосточного обмана мнѣтнями.

И.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЙ

К вопросу об экономической доктрине евразийства

Мне, как автору статьи «Хозяин и хозяйство» («Евразийский Временник», книга А.), видный Практический деятель в области хозяйства и в то же время исследователь экономических вопросов А. М. Мелких прислал нижеследующую статью. Статья эта включает критику концепции «Хозяина и хозяйства». Как ни далек, в некоторых пунктах, А. М. Мелких от евразийских взглядов нельзя не признать, что статья А. М. Мелких ряд вопросов ставит **во существу** — и тем облагает также **III** евразийцам формулировку их экономических взглядов. Этим определяетея помешение статьи А. М. Мелких в «Евразийской Хронике». Вслед за статьей идут ответные мои замечания.

П. Савицкий.

Всякий, кто следил за развитием евразийской мысли, не мог не заметить, что, ставя своей основной задачей работу «над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя». ... «на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам», евразийцы до сих пор уделяли мало внимания вопросам материального порядка) в частности, вопросам экономическим. Тем большим интерес представляет попытка П. Н. Савицкого обосновать экономическую доктрину евразийства, которой он дает красивое и как-то особо значительно звучащее название «**хозяйнедержавие**».

Центральным пунктом учений о «Хозяинодержавий» является вскрытие самого содержания понятия «хозяин» и осмысление истинно «хозяйной» Деятельности.

Хозяйствованием до сих пор было принято называть сферу человеческой деятельности, которая направлена на удовлетворение потребностей человека. Чтобы иметь право называться хозяйственной, эта деятельность, прежде всего, должна быть экономичной, т. е. достигать наиболее полного удовлетворения потребностей при наименьшей затрате сил и средств. В этом именно смысле хозяйствующий субъект, как носитель хозяйственной деятельности, может быть назван «homo oeconomicus» (экономическим человеком). Нет никакого сомнений в том, что **хозяйственные** цели человека могут вступать и вступают в конфликт с другими целями, ибо человеческая жизнь протекает не только в **сфере хозяйственных отношений** и

интересов, но и в сфере отношений и интересов семейных, общественных, государственных и т. д. Но, исследуя **хозяйственную** деятельность Человека, совершенно необходимо изолировать ее от всякого рода другой Деятельности* Вот в силу чего создается понятие «homo oeconomicus» а вовсе не в силу того, что «homo oeconomicus» есть какая-то особь рода человеческого. Если вкладывать в русское слово «хозяин» понятие умелого, разумного субъекта хозяйствования* достигающего удовлетворения своих потребностей с наименьшей затратой сил и средств, то это слово «хозяин» будет в точности соответствовать тому* что называется «homo oeconomicus». К слову «хозяин» в русском языке (да только ли в русском?) нередко присоединяется «epiteton ornans» «добрый» для того, чтобы еще более подчеркнуть, что Деятельность такого хозяина есть Деятельность целесообразная и целесообразной, есть «хозяйствование» в прямом смысле этого слова, а не «хозяйничанье». Таков, как мне кажется* вполне согласный с общим пониманием, смысл слова «хозяин».

П. Н. Савицкий видит, однако, в* нем особый мистический смысл. Он уверен, что ему «предстоит будущее в учении о хозяйстве» и, главным образом, в «самостоятельно-русском учении о хозяйстве» («Хозяин и хозяйство», стр. 406). Оно и только оно, по его мнению, «сжато и наглядно — одновременно в наиболее конкретной и в то же время в общей форме — * выражает собою, в обыкновенном словоупотреблении и народном языке, — **личное Начало** в хозяйстве. Хозяин — это одновременно: и домохозяин, и сельский хозяин, и хозяйно-промышленник.». «Хозяйская воля» и «Хозяйский глаз» — вот, что характеризует «хозяина» во всех хозяйственных процессах* как производственных, так и потребительных. Это наделение евразийского «хозяина» в противовес всем другим хозяйствующим субъектам* исключительными хозяйственными свойствами, заставляет поставить совершенно естественный вопрос: почему же именно «homo eurasicus» (евразийский человек)* как хозяйственный тип, является счастливым обладателем этих свойств? Почему они отрицаются или, в лучшем случае, признаются малохарактерной случайностью у «homo oeconomicus»? При постановке этого, как мне кажется, вполне естественного вопроса, и обнаруживается вся искусственность **концепции П. Н. Чтобы установить различие между типом евразийск. «хозяина», который я позволю се-**

бе назвать «*homo eurasicus*», и типом хозяйствующего субъекта, именуемым «*homo oeconomicus*», П.Н. прибегает к совершенно производному истолкованию термина: «*homo, oeconomicus*» и совершенно же произвольному и не отвечающему общепринятому пониманию роли хозяйствующего субъекта в производстве. «Хозяина в производстве», — говорит он, — «современная экономическая доктрина не знает; она знает «предпринимателя»; а «предприниматель», как духовная сущность это, прежде всего, и только «*homo oeconomicus*», «капиталистический человек». — У него только одно отношение к тому целому, той системе людей и благ, каковой является руководимая им «производственная единица»; это точка зрения получения наибольшего чистого дохода» («Хозяин и хозяйство», стр. 408). Такое понимание «*hominis oeconomici*» нельзя не признать — стилизацией. («*Homo oeconomicus*» П. Н. Савицкого — это типичный «выжималышк пота», отношение которого к людям и вещам выражается лишь в стремлении получить от них «наибольший чистый доход». Такое изображение духовной сущности «*hominis oeconomici*» невольно наводит на мысль, что П. Н. С., несмотря на всю свою неоднократно высказанную враждебность к историческому материализму, находится во власти примитивно-марксистских (но даже не Марксовских) представлений об экономических процессах. «*Homo oeconomicus*» для него — это, прежде всего, тип своеобразного «предпринимателя», в погоне за прибылью переходящего от одного «предприятия» к другому, беззаботно переливающего свои средства из одной отрасли хозяйства в другую, коль скоро эта последняя представляется, хотя на время, более выгодной, более рентабельной. Нечего и говорить о том, что такого рода «предприниматели» в реальной жизни являются редким исключением и самый тип такого «предпринимателя» совершенно не характерен. Всякий, практически соприкасавшийся с хозяйственной жизнью, хорошо знает, что такого рода дельцы могут появляться только в моменты каких-либо болезненных пертурбаций в хозяйственной жизни и тотчас же исчезают, как только устанавливается хозяйственное равновесие. Я позволю себе в этом отношении сослаться на свидетельство одного из выдающихся деятелей хозяйственной Германии — покойного Вальтера Ратенау, вдумчивость и наблюдательность которого, как будто бы, не подлежит никакому сомнению. Вот что пишет он в своих «*Reflexionen*», появившихся в свет в 1908 году и, следовательно, явившихся результатом наблюдения нормальных хозяйственных условий:

«То, что дела делятся для того, чтобы заработать деньги, представляется многим до такой степени само собой разумеющимся, что об этом не приходится особо упоминать. Однако, я еще никогда не видал действительно крупного делового человека или предпринимателя, для которого заработок являлся бы главным вопросом его профессии, и я готов утверждать, что тот, кто заботится только о личной денежной выгоде, вообще не может быть крупным деловым человеком». И далее: — «Настоящий деловой человек зачастую готов отказаться от выгоды, иногда даже от собственности, если он этим надеется расширить

поле своего влияния. Вряд ли он захочет в конце года знать, увеличилось ли его состояние и насколько; для него достаточно, если все его предприятия находятся в процессе расширения и укрепления».

А объективный наблюдатель нышей русской до-революционной хозяйственной жизни разве мог констатировать иное отношение к хозяйству, чем то, которое констатировал европейски мыслящий Вальтер Ратенау? Я думаю, вся история нашего крупного предпринимательства, если ее изучать не по агитационной или псевдо-научной литературе, даст богатый материал для зарисовки типа предпринимателя, совершенно не похожего на того стилизованного «предпринимателя», которого П. Н. Савицкий считает господствующим не только в современной экономической доктрине, но, повидимому, и в жизни. «Предприниматель», если я правильно понимаю его построения, лишь в виде исключения может быть в то же время и «хозяином», ибо «хозяйское ценение хозяйства есть выход за пределы «чистого» экономического принципа, его осложнение и преобразование», ибо «хозяйское ценение хозяйства есть устранение «капиталистического духа», (см. «Хозяин и хозяйство», стр. 434). При таком подходе к духовно-экономической сущности предпринимателя представляется совершенно необходимым прежде всего точно договориться о самом значении слова «предприниматель» и области его применения.

«Предпринимать» — это значит, приступать к новому делу, принимая на себя всю тягость связанных с ним забот и риска. Само собой разумеется, что «предпринимая» что-либо в хозяйственной жизни, необходимо при этом «соображать» затраты сил и средств с вероятными хозяйственными результатами предпринимаемого дела. Без этого соображения «предпринимательство» как духовно-экономическая сущность, вообще не мыслимо. И, если эмпирическая действительность дает иногда образцы предпринимательства без всякого «соображения», то, я полагаю, эти образцы не могут служить материалом для суждения о «духовно-экономической сущности» хозяйственного предпринимательства. «Отчаянное предприятие» потому и называется «отчаянным», что от него ничего не чают. В хозяйственной жизни такого рода «предприятия» были бы просто абсурдными. Таким образом, совершенно очевидно, что «предприниматель»-хозяйственник принимает это свое наименование именно в силу того, что он «предпринимает» какое-либо дело с известным расчетом. На чем этот расчет покоится? Очевидно, не на одной какой-либо операции, способной дать при минимальной затрате наибольший чистый доход. Такого рода «временный» расчет даже в области торговли встречается в качестве редкого исключения, и солидный торговец никогда не станет вкладывать своих средств в операцию, хотя бы сулящую большие барыши, но носящую кратковременный характер. Этим занимаются только «спекулянты» (в бытовом смысле этого слова), которых у нас в Приволжье окрестили в большинстве случаев метким словом «скупелянты». О них я говорить не буду, ибо и П. Н. С., очевидно, не принимает их в соображение, как предпринимателей. Предприниматель же в производстве, а его-то,

главным образом, и имеет в виду П. Н. С., строит свои расчеты на операциях длительного свойства, совокупность которых требует организации его дела на хозяйственных началах, т. е. на началах прочности и устойчивости всех его элементов. Предприятие, получившее свое бытие благодаря **личной инициативе** предпринимателя в силу этой организации **объективируется**, и сам предприниматель становится одним из элементов его. Я вовсе не хочу этим сказать, что здесь происходит процесс «обезличения» (*entpersonlichung*) владения, превращающий предприятие в своего рода «учреждение» на подобии учреждений государственного порядка, как это утверждал Вальтер Ратенау (см. его «*Von Kommenden Dingen*», стр. 142-145). Я подчеркиваю лишь целостность хозяйственного бытия предприятия, связывающую и отчасти даже направляющую волю предпринимателя. Личное начало, выразившееся сначала в самом факте предпринимательства, выявляется здесь в связанной с бытием предприятия распорядительно-хозяйской деятельностью. И никому из сопряженных с главой предприятия в хозяйственном процессе лиц не придет даже в голову назвать его: «наш предприниматель», «*Ur'ser Unternehmer*», «*notre entrepreneur*». Всякий из них скажет: «*notre chef*», «*Unser Chef, Maitre, Principal*», вкладывая в каждое из этих наименований совершенно тот же смысл, какой заключает в себе слово «хозяин», т. е. подчеркивая в данном случае распорядительно-хозяйскую функцию главы предприятия.

Можно, конечно, представить себе, что организационно-предпринимательская деятельность — (грюндерская, организаторская) и хозяйско-предпринимательская часто бывают отделены одна от другой, можно сказать, что *undertaker* не всегда бывает одновременно и *employer* (см. *Alfred Marshall: «Principles of Economics»*, кн. 4-ая, гл. XII, парагр. 2-4), но это все-же не дает основания утверждать, что современная экономическая доктрина «проглядела» в хозяйстве «едва-ли не главное действующее лицо», т. е. хозяина («Хозяин и хозяйство», «Евраз. Врем.» № 4, стр. 407).

«Хозяина», как духовно-нравственную сущность П. Н. Савицкий наделяет исключительно ему присущим свойством «хозяйского ценения», противопоставляя это последнее «собственнически-предпринимательскому импульсу» («экономическому принципу») «предпринимателя». «Хозяйское ценение» он обосновывает весьма подробным рассмотрением и анализом ценностей «одноаспектных», «двуаспектных» и «одноаспектно-двуаспектных». На них и отношении их к хозяйству я останавливаться не буду, ибо для меня совершенно достаточно заключительного признания П. Н. С., что «соблюдение экономического принципа и хозяйское ценение хозяйства является, в известном роде, началом вторичным, в том смысле, что, выводя за пределы экономического принципа, оно, однако-же, требует в качестве своей предпосылки, неуклонного следования последнему». («Хозяин и хозяйство», стр. 423). Если «экономический принцип» и «хозяйское ценение» оказывается «двумя соподчиненными началами и даже более того — «хозяйское ценение» допустимо лишь в «меру» (страница

423), определяемую «неуклонным следованием экономическому принципу», то невольно является вопрос: соответствует ли «экономический принцип» П. Н. С. тому, который имеет в виду современная экономическая доктрина? И я думаю, на этот вопрос придется ответить отрицательно, и вот почему. «Экономический принцип» П. Н. С., отождествляемый им с «неограниченным импульсом к получению наибольшего дохода», «граничит и перерождается в недооценку значения будущего, в игнорировании длительных — в том числе хозяйственных — интересов ради интересов скорейшего получения наибольшей выручки» («Хозяин и хозяйство», стр. 424). Нельзя не согласиться с П. Н. С., что такого рода «экономический принцип» «вызывает риск «перенажима» на людей и, тем самым, всесторонне разрушительных нарушений лада хозяйства», (стр. 424). Но ведь это — «экономический принцип» сконструированной самим П. Н. С., и ничего общего с современной экономической доктриной не имеющий. Не вдаваясь в подробное рассмотрение содержания **экономического принципа**, выдвигаемого современной доктриной, я позволю себе указать лишь, что он заключает в себе два понятия, далеко не идентичные — сбережение сил и средств и наибольший результат. Только известное соотношение того и другого определяет собою содержание экономического принципа, которым интересуется современная экономическая наука, (см. *Dr. Karl Muhs: «Materielle und psychische Wirtschaftsauffassung. Versuch einer Begründung des dentitats princips der Wirtschaftstheorie»* стр.78исл.). Между тем, «экономический принцип» Н. П. С. опирается лишь на получение и при том «скорейшее» наибольших результатов и, даже еще проще, наибольшего дохода. «Сбережение сил и средств» в содержание понятия «экономический принцип» он совсем не вводит, а оно-то, как раз, и касается той сферы психического отношения к людям и вещам, которую П. Н. С. именует «хозяйским ценением хозяйства». Так называемая амортизация имущества, затраты фабриканта на техническую подготовку и общее образование рабочих и служащих, стремление привязать их так или иначе к предприятию, (напр., обучением их детей), и т. д., — что это, как не следование тому же известному современной экономической доктрине, но не выдвигаемому П. Н. С., экономическому принципу, диктующему не только наибольшую выгоду, но и наибольшее сбережение сил и средств. Приятие этого принципа лишает евразийского «доброе хозяйство» всех тех духовных прав и преимуществ, которые отличали его от евразийского же «предпринимателя». И многое из того, что П. Н. С. считает иррациональным по существу, становится весьма рациональным и понятным и без легенды о «доброе хозяйство» («Хозяин и хозяйство». Евраз. Времен, кн. 4-ая, стр. 411).

Мне остается сказать очень немного о «хозяйно-державии», как хозяйственной системе евразийства. Тот, кто внимательно следил за ходом мысли П. Н. Савицкого, сконцентрированной вокруг образа «доброе хозяйство», в праве ожидать, что проектируемый им хозяйственный строй должен покоиться на самом существе этого хозяина, выполненном внутренней гармонии и не нуждаю-

щемся в силу этого в каком либо внешнем воздействии, постороннем регулировании. Соединение этих евразийских «хозяев» должно образовать действительное «соборное единство», принципиально противоположное «обществу-единству», совершенно поглощающему и подавляющему волю отдельных его членов. И термин «хозяинодержавие», казалось бы, должен был заключать в себе мысль о таком начале соборности, тем более, что Н. П. С. выясняет ограниченность и призрачность «хозяина-общества». «Хозяин-общество», — говорит он совершенно справедливо, — «в точном смысле, не имеет психической сферы. И приуроченное к нему хозяйское ценение есть равнодействующая так или иначе оформленных общественных сил...». «Хозяина-общество каждый прожектер и реформатор может мыслить по своему, вкладывая в это понятие любое содержание, рисовать любой образ...». «Поскольку хозяина-общество мы мыслим как коллектив», «приходится определенно сказать, что «хозяйской воли и хозяйского глаза хозяину-обществу приписать нельзя»....

При таком отношении к «хозяину-обществу» представляется чрезвычайно странным и непонятным, что П. Н. С. считает необходимым «сочетание», «сопряжение в величинах соразмерных друг другу лично-хозяйственного и державного (как символа «общественного» начал». (Евр. Вр., стр. 431).

Представляется странным и не вполне последовательным утверждение, что «когда физическая личность не есть и, по свойствам природы своей, не годна быть хозяином, те цели, которые поставлены в хозяйском ценении, и осуществимы только вмешательством хозяина-общества», (стр. 431).

С одной стороны **хозяинодержавие** — это «система идеологических воззрений и социально-политических действий, которая поставит в поле зрения образ «хозяина» и положит первой (хотя и не единственной) своей задачей насыщение экономической действительности лично-хозяйским **началом**» (стр. 434), т. е., началом, принципиально противоположным общественному началу.

С другой стороны — «хозяиндержавие не отрицает, конечно, целей социализма и коммунизма, поскольку цели эти сводятся к поставлению наряду и над атомистическим — некоторого **общественного начала**» (стр. 437).

Хотя в системе хозяинодержавия поставлена это и мыслится «в формах хозяйственной соборности», а не «экономического коллективизма», на до сознаться, что это **преображение** коммунизма представляется такой уступкой ему, которая граничит с его признанием.

А. М. Мелких.

В статье А. М. Мелких затронуты вопросы двух порядков: теоретического и практического, (или, иначе, «политического», в смысле социально-экономической политики). Вопросы теоретические связаны с определением понятий. Мне кажется несостоятельным то определение «хозяйствования», которое приводит А. М. Мелких в первых строках своей работы: не только хозяйственная, но **всякая** «сфера человеческой деятельности»... «направлена на удовлетворение потребностей человека», и **наприм.**, не связанные ни с какой мыслью о **зара-**

ботке занятия астрономией состоятельного человека — тоже «направлены на удовлетворение потребностей»... в знании. Едва ли было бы правильно занятия этого рода называть «хозяйствованием»... Однако, не будем погружаться в рассмотрение относящихся сюда вопросов. Интересующихся отсылаем к соответствующим замечаниям статьи «Хозяин и хозяйство» (Евр. Врем, стр. 413 - 418). И хотя определение, предлагаемое А. М. Мелких, считаем неточным, будем исходить от него, — чтобы в наибольшей возможной степени избежать элемента спора о словах. Экономический принцип, по мысли А. М. Мелких, сводится к тому, чтобы «достигать наиболее полного удовлетворения потребностей при наименьшей затрате сил и средств». Чьих потребностей? Чьих сил и средств? — конечно, самого «хозяйствующего субъекта», именно ему предстоит достигать наиболее полного удовлетворения **своих** потребностей при наименьшей затрате **своих** сил и средств. Подчеркнуть, что дело идет о своих, а не чужих, (в смысле «ближнего») потребностях, силах и средствах, особенно важно в применении к тому случаю, когда «хозяйствующий субъект» есть глава предприятия, «шеф-мэтр, принципал», согласно европейским бытовым обозначениям, приводимых А. М. Мелких. Нужно с полной силой утвердить, что в этом случае **возможно** положение, когда для «хозяйствующего субъекта» наиболее полное удовлетворение своих потребностей при наименьшей затрате своих сил и средств осуществимо путем покупки в порядке такой затраты, **наибольшего** количества **чужих** сил и средств. Именно тот договор о найме труда будет для этого «хозяйствующего субъекта» наиболее «экономичен», который обеспечит ему, при **наименьшей** затрате, покупку **наибольшего** количества **чужого** труда. Возможность и факт «эксплоатации» есть для нас непрерываемая реальность, и **этом смысле**, я готов принять на себя упрек в «первоначально-марксистских... представлении об экономических процессах». Только из этого не следует, чтобы я лично, и мы, евразийцы, принимали теорию исторического материализма. Также и в «капиталистическом» обществе далеко не все сводится к «эксплоатации».

Экономический принцип и в том его выражении, которое дано А. М. Мелких, — сводим к достижению наибольшего чистого дохода, если только понятие «чистого дохода» определять широко, не ограничивая его денежной выручкой, но охватывая всякое «приобретение», служащее, или могущее служить, «удовлетворению потребности». — Не следует бояться возвращения к старым определениям, когда эти определения являются более последовательными и четкими, чем выдвинутые позднее. Понятие «экономического принципа» и «экономического человека», как осуществителя «экономического принципа» выработаны старой «классической школой» европейской политической экономии (конец 18-го — 19-ый век). Представляется методологически удобным сохранить эти понятия именно в их первоначальном виде, вынося элементы, выяснившиеся позднее, в особые категории для того, чтобы в процессе анализа — не смешать и не растворить в неопределенности **различные** элементы хозяйственной мотивации, — «экономического человека» **можно и должно рас-**

смаживать по прежнему, как воплощение экономического **эгоизма**, чуждого каких бы то ни было привходящих начал. Такое допущение не утверждает, что подобный «экономический человек» существует в действительности, в чистом его виде. «Экономический человек», как воплощение экономического эгоизма, есть «идеальный тип» — и нужно повторять снова и снова, что «идеальный тип» есть **сгущение** черт реальности, — в самой реальности в таком сгущении, может быть, не находимых... — Авторами классической школы руководил глубокий научный такт, когда они утверждали, что направление «экономическим человеком» своего капитала в ту или иную отрасль приобретательского хозяйства, оставление его в ней или изъятие из нее и перенесение в другую отрасль определяется исключительно соображениями наивысшего дохода. Когда «норма прибыли» в данной отрасли падает ниже определенного предела — «экономический человек» извлекает свой капитал из этой отрасли и переносит в другую, где «норма прибыли» выше. Другой вопрос, насколько осуществим (и всегда ли осуществим) в действительности такой перенос капитала и насколько реальна «норма прибыли», **общая** для всех предприятий той или иной отрасли. Как бы ни разрешались эти вопросы, — в указанных выше предположениях «идеальный тип» поведения экономического человека намечен правильно. Система понятий только тогда может быть последовательной и четкой, когда она исходит из некоторого **единого** принципа. Для анализа действительности нужна не одна, но **много** подобных систем, исходящих временами из **противоположных** начал. В основе каждой системы должен лежать **свой** принцип. Таким принципом той системы, в которой помещаются понятия «экономического принципа» и «экономического человека» является **экономический эгоизм**. Хозяйственно же — экономическая действительность состоит из проявлений не одного только экономического эгоизма, но также и других мотивов. Эти мотивы также нужно свести в систему. В этом смысле можно и должно утверждать, что «экономическому принципу» логически противостоит, а жизненно **сочетается** с ним — «хозяйское ценение», и в таком же отношении к понятию «экономического человека» стоит понятие «хозяина». «Хозяйское ценение» и «хозяин» воплощают для нас мотивы оценки хозяйства, как такового (хозяйства, как самоценности, или хозяйства, в нем самом, а не применительно к «наибольшему доходу»), стремление обеспечить (в качестве самоцели) «полноту функционирования и полноту развития» хозяйства и **существеннейшую** ее часть — благосостояние работающих в хозяйстве людей. Понятия «хозяйского ценения» и «хозяина» мы утверждаем безотносительно к какому бы то ни было конкретному социально-экономическому строю. Эти понятия равно приложимы к крайнему частно-хозяйственному и крайнему социалистическому строю; только в первом случае в качестве **единственного** носителя хозяйского ценения мыслится **хозуин-личность**, а во втором — таким же **единственным** носителем выступает хозяин-общество (как «идеальный» сверх-личный субъект). В понятиях «хозяйского ценения» и «хозяина» мы стремимся найти **такое же общее, не зависящее от конкрет-**

ностей социально-экономического строя выражение положительных начал хозяйства, какое для отрицательных его начал «найденно Марксом в понятии «эксплоатации». Маркс полагал, что «эксплоатация» (как присвоение «прибавочной ценности») возможна и происходит в различнейших социально-экономических укладах (напр., и в античном, и в феодальном, и в капиталистическом). Но при этом Маркс думал, что вслед за «экспроприацией экспроприаторов» эксплуатация исчезнет. На основании русского опыта, нужно внести поправку: замнившее «экспроприаторов» «рабоче-крестьянское государство», в условиях владычества коммунистов, является на практике — **усиленным** эксплуататором.

В «хозяйском ценении» дело идет о «наиболее» полном удовлетворении потребностей не самого «хозяйствующего субъекта», но других индивидов, а именно работающих в его хозяйстве, и о «наименьшей затрате» именно их «сил и средств». Совершенно ясно, что при таком изменении отнесения (от себя — к другим) в корне меняется смысл рассматриваемого принципа. В предыдущем мы говорили об эгоизме. Здесь можно было бы говорить об «альтруизме», если бы только обозначение это не было слишком общее и расплывчато для той, весьма «применительной» (примененной к условиям **хозяйства**, как волевого единства) формы, которую имеем в «хозяйском ценении».

Относительно же понятия «хозяин» мы хотим заметить следующее: «бытовой смысл» не всегда определителей для научного или философского содержания, прикрепляемого к слову, хотя бы и взятому из бытового оборота. И мы хорошо понимаем, что своим толкованием понятий «хозяйского ценения» и «хозяина» мы **видоизменяем** бытовой смысл этого слова, вернее, — подчеркиваем один из оттенков этого смысла, **отметая остальные**.

В статье А. М. Мелких указано, что содержание экономического принципа, выдвигаемого современной доктриной **_____** заключает в себе два понятия, далеко не идентичные — **сбережение сил и средств** и **наибольший результат**... «Сбережение сил и средств»... как раз и касается той сферы психического отношения к людям и вещам, которую П. Н. Савицкий именуется «хозяйским ценением хозяйства». — Встает вопрос: можно ли действительно сферу, именуемую мною «хозяйским ценением», выразить, как «сбережение сил и средств»? не вытекает ли из «хозяйского ценения» как раз не сбережение, а **расходование** сил и средств (хозяина) — **сверх той меры, которая нужна непосредственно для получения «наибольшего результата», понимаемого, как «наивысший доход»** (в широком смысле), — расходование их на цели «благосостояния хозяйства», в нем самом,* и удовольствие людей, в нем пребывающих. А. М. Мелких называет «затраты фабриканта на техническую подготовку и общее образование рабочих и служащих, стремление привязать их так или иначе к предприятию, (напр., обучением их детей); беря среду, затрагиваемую А. М. Мелких, можно было бы прибавить: улучшение жилищных условий, устройство больниц, обеспечение семейств, помимо и сверх предписываемого законом — **Как видим, А. М. Мелких не отрицает са-**

ого ценения», он только „ его в понятие «экономическое» — стать притом в терминах, именной доктриной». .. Термин «Фос» не имеет существенного значения. Соединение же в пределах одного двух «далеко не идентичных» точек зрения — точки зрения «наибольшего результата — дохода» и ценения хозяйства, как такового («хозяйского ценения» или «сбережения сил и средств», по терминологии А. Ж. Мелких) является логически неправильным. В действительной жизни эти точки зрения соприкасаются и сопрягаются. Они соотнесены и в том смысле, что «хозяйское ценение» не может устранить учета конечного «результата». Но как раз во имя определенности различий, во имя расчленительного (в противоположность смесительному) знания, «хозяйское ценение» должно быть различимо от точки зрения «наибольшего результата» и рассматриваемо как **самостоятельный принцип**. .. «Экономический принцип» и «хозяйское ценение» не есть одно и то же. Мы берем на себя утверждать это — также и в ответ на суждения А. М. Мелких.

Категории должны быть логически четкими, чтобы с ними можно было успешно работать. Действительность же являет множество переходных форм. Существуют переходные формы и между применением «экономического принципа» и «хозяйским ценением». Некоторые проявления «хозяйского ценения» могут быть возведены к «правильно понятому интересу» хозяина («Хозяин и хозяйство», стр. 412). Именно этим определяется реальная хозяйственно-экономическая сила «добраго хозяина», как носителя «хозяйского ценения», именно у него, по преимуществу, организация дела поконится «на хозяйственных началах, т. е. на началах прочности и устойчивости всех его элементов». Но как принцип, — «хозяйское ценение» так же не сводимо к «правильно понятому интересу», как, скажем, не сводимы к нему нравственные идеалы христианства (хотя, в некоторых случаях, следование этим идеалам также может соответствовать «правильно понятому интересу»).

В психологии хозяйствующих субъектов, которых описывает В. Ратенау в приводимых А. М. Мелких отрывках — есть элементы «хозяйского ценения». Но В. Ратенау делает то, чего остерегается автор «Хозяина и хозяйства»: считать «хозяйское ценение» принадлежностью «какой либо определенной группы людей»; В. Ратенау изображает «хозяйское ценение», как принадлежность «крупных деловых людей». Нам же кажется правильным признать, в противовес этому, что **существуют деловые люди, «крупные» по своему действительному влиянию и мощи, которые суть не «хозяева», но «барышники».**

В противоположность же тому, что говорит А. М. Мелких, «спекулянты» и в бытовом, и в философско-экономическом смысле этого слова, **должны быть «приняты в соображение»** при построении учения о хозяйстве. Скрываться в этом случае, за спиной «солидного» торговца или предпринимателя, который «никогда не станет вкладывать свои средства в операцию, хотя бы сулящую большие барыши, но носящую кратковременный характер»

было бы равнозначно бегству от действительности, во всей ее полноте, или **оптимистическому искажению действительности.** Явление «спекуляции» заслуживает внимания теоретика. Оно есть относительно наиболее чистое выражение «экономического принципа» — в том виде, в каком он выдвинут «классической школой» и на котором, из соображений методологических, настаиваем и мы. И если «экономический человек» не всегда есть спекулянт «в бытовом смысле», то его основная функция, как «экономического человека», есть все же «спекуляция», в смысле соотнесения сопряжения наименьшей затраты с наибольшей выручкой. ..

Но если нужно избегать всякого оттенка оптимистического искажения действительности, то не нужно также сгущать краски. А. М. Мелких **не правильно** понял мою мысль, когда мне приписывает мнение, что «предприниматель» (как «экономический человек») «лишь в виде исключения может быть в то же время. ... «хозяином» (носителем «хозяйского ценения»). Как духовные сущности и логические категории, «предприниматель» и «хозяин» раздельны; а в действительной жизни эти два качества **нередко** сочетаются в одном лице; и как сказано в статье «Хозяин и хозяйство» (Евр. Вр., стр. 409), «образ этот (добраго хозяина), чрез самые разнообразные технические условия хозяйства и различные формы «производственных отношений», идет... ко **многим и многим «добрим хозяевам» современности** — в сельском хозяйстве, промышленности и пр.». Возможность и факты соединения «предпринимателя» и «хозяина» в одном лице относятся также и к строю капиталистическому, несмотря на духовное обнищание этой эпохи, ибо хозяйная стихия есть изначально вложенная в человеческую природу. В научном смысле понятия «экономического человека» и «добраго хозяина» нужны для установления **типологии** хозяйствующих субъектов. И напрасно А. М. Мелких полагает, что задачи эти мы применяем исключительно к **евразийской** хозяйственно-экономической среде. Мы очень хотели бы, **что-то homo eurasicus, евразийский человек, был бы как можно чаще и как можно больше «хозяином»** — воплощением положительных начал хозяйства; но мы вовсе не притязаем, чтобы это качество было исключительным достоянием хозяйственно-экономических деятелей России-Евразии; среди тех «тысяч, миллионов, сотен миллионов примеров», о которых мы говорим, имеются, конечно представители самых различных **народов** и разных исторических сред. Как духовная сущность и логическая категория, понятие «хозяйского ценения» **общеприложимо.** **Конкретное** содержание этого ценения в различных случаях различно но является общею **схема:** ценение хозяйства, как такового, ценение (как **самоцели**) благосостояния работающих в хозяйстве людей. **Скажем более поскольку дело идет о хозяине-личности, хозяйные начала нигде, быть может, и никогда не были так стеснены так слабо выражены, как в современной России.** Моральная обстановка и жизненно-правовой уклад коммунистической **России** предельно враждебны идее и факту «добраго хозяина», в их применении к личности; экономический деятель советской России, каковы бы ни были **его личные данные, есть, по преимуществу,**

«экономический человек», осуществитель голого «экономического принципа». Но вне хозяйных чз-«чп **поименных также и к личности,** — нево? можно преуспевающая и устойчивая экономическая жизнь. И поэтому для русской хозяйственно-экономической мысли, (которая всячески нужно подчеркнуть, все еще **не получила самостоятельного развития** — и нередко, на горе стране, толдычит бестворческие шаблоны), очередную задачу является утвержденное, в той или иной форме, хозяйных начал, как положительных начал хозяйства. Само собой разумеется, что этой постановки задачи не дает Россия-Евразия никакой «монополии» на эти начала. Тип «экономического человека» был установлен, по преимуществу, английской политической экономией. Это отнюдь не означало, что «экономический человек» есть какая либо исключительная принадлежность Англии. ...

Переключая мысль А. М. Мелких на язык наших категорий, согласимся, что «... история нашего (русского) крупного предпринимательства, если ее изучать не по агитационной или псевдонаучной литературе, дает богатый материал для зарисовки типа предпринимателя» в деятельности которого сказываются «хозяйные начала». Мы идем далее. Одной из задач русской хозяйственно-экономической исследовательской работы мы считаем составление **словаря русских хозяев,** в котором были бы даны жизнеописания тех, кто своей работой обосновал «благосостояние хозяйства», полноту его «функционирования и развития» и довольство работающих в нем людей, жизнеописания тех, в чьей деятельности сказывались начала «хозяйского ценения». Дело **крупных «хозяев»** — не меньшее дело, чем дело государственных - людей, полководцев, художников и мыслителей. И дело это заслуживает монографических исследований и соответствующих сводок. ...

Полагаем, нас нельзя упрекнуть в недостаточном явственном ощущении творческого значения хозяина-личности. Однако, по поводу того, что в порядке должного, в задачах насыщения хозяйственно-экономической жизни хозяйными началами, мы считаем необходимым сочетание, в величинах, соразмерных друг другу, — личного и общественного начал и не отрицаем «целей социализма и коммунизма, поскольку цели эти сводятся к поставлению наряду и над атомистическими — некоторого общественного начала», — А. М. Мелких замечает: «Это преобразование коммунизма представляется такой уступкой ему, которая граничит с его признанием». С приведенными словами интересно сопоставить замечание другого критика (Г. Гурвич, газ. «Дни» № 796): «Г. Савицкий допускает «в известных и реально возможных пределах воздействие «хозяина-общества». Однако, все это пустые слова для отвода глаз. На деле оказывается, что . . . «прославленный хозяин все же есть частный собственник и предприниматель и филологические упражнения г. Савицкого относительно слова «хозяин» не простая словесность, а имеют вполне реальную и весьма односложную тенденцию». Так где же правда? К чему сводится хозяйнодержавие: к признанию коммунизма или к апологии частной собственности и «личного произвола» в хозяйстве (выражение того же г. Гурвича)? В том-то и заключается

дело, что хозяйнодержавие не сводимо ни к одной, ни к другой формуле — и **есть нечто третье.**

Нам представляется, что А. М. Мелких потому сближает хозяйнодержавие с коммунизмом, что сам он, А. М. Мелких, недостаточно явственно ощущает реальность зла в хозяйственно-экономическом мире. Но ощущать реальность хозяйственно-экономического зла еще не значит впадать в коммунизм. Грандиозное изображение и обличение хозяйственно-экономического зла мы находим в творениях отцов Церкви первых веков нашей эры. Даваемые ими изображения и обличения, вместе с теми чертами добра, с которыми св. отцы ходят в хозяйственной области, будучи сопоставлены во-едино, составляют обширную систему учения о хозяйстве, наиболее обширную из всех, которые нам известны, за исключением романо-германской доктрины последних веков. Св. отцы многосторонне продумали хозяйственно-экономические проблемы; многое увидели и многое определили. Но учение их проникнуто, конечно, иным духом, не тем, которым проникнута романо-германская доктрина, в ее целом. ... — «Понимай также относительно богатых и стяжателей: они... разбойники, караулящие при дорогах, грабящие добро путников; в своих кладовых, словно в пещерах и ямах, они зарывают чужое* имущество» (Иоанн Златоуст). «Не говори: я трачу свое имущество и на свои средства роскошествую. — Не на свои, а на чужие... чужое становится твоим, если ты употребляешь его на других: если же ты широко тратишь на самого себя, то твое становится чужим», (он же). «Какое противоречие в словах! (Имущество) называют добром те, которые пользуются им исключительно для злых дел» (Киприан). «Если ты господин над золотом, ты делаешь из него то, что хорошо, если раб, оно делает из тебя то, что дурно» (Августин)! «Это прилагается и приращается как материал и орудия для хорошего употребления умеющим (пользоваться) орудием... Такое же орудие есть и богатство. Ибо оно возникло для того, чтобы служить, а не царить» (Клемент Александрийский). «Того же, кто процветает в богатстве... хорошо употребляя то, что имеет, (следует) любить и почитать, как владеющего общими орудиями для жизни, если он пользуется ими правильным образом, как-то: щедр в денежной помощи нуждающимся, самолично ухаживает за недужными, весь же остальной избыток считает принадлежащим ему не более, нежели любому из нуждающихся» (Василий Великий). «Всякая собственность существует ради потребления» (Клемент Александрийский).

Для св. отцев главным основанием к **сохранению** личной собственности являлось то соображение, что утверждение добра в хозяйственно-экономическом мире должно быть результатом личного нравственного подвига, а не внешнего принуждения. Мы, современные, в пользу **введения** собственности можем выдвинуть аргумент целесообразности. Личная собственность целесообразна, ибо она означает **лучшее** хозяйствование, каковым является хозяйствование **за свой счет,** в отличие от хозяйствования за чужой счет и за счет казенный, которые господствуют там, где нет личной собственности. Но нужно с полной силой подчеркнуть, что **бывают** случаи и **существуют** отрасли,

где путем затраты энергий соответствующей величины также и хозяйствование «за казенный счет» можно сделать **годным** хозяйствованием — Положительное значение государственной (или «национальной») собственности повышается тем качеством «хозяина-общества» (становящегося на место «хозяина-личности»), которое не упомянул А. м. Мелких, воспроизводя характеристику «хозяина-общества», данную в «Хозяине и хозяйстве»-«хозяин-общество поддается тому, чтобы хозяйское ценение было ему формально «задано»- можно сказать даже, что в некоторых случаях хозяин-общество и возникает именно для того, чтобы быть носителем хозяйского ценения» —.

Нужно не только фактически принять, но также идеологически утвердить государственное вмешательство и контроль в договоре о найме, государственную собственность на землю и предприятия при таком учреждении учесть и то, что было бы нелепо весь диапазон правовых форм свести к одной государственной собственности. В отношении земельного строя и строя промышленного, существующего в советской России — евразийцы,

исходя из существующего, являются сторонниками расширения подбора применяемых правовых форм" Необходимо, чтобы наряду с государственно-су-
иш предприятия, кмр д тмш собственност ь на землю

Можно сказать, пожалуй, что излагаемая концепция знаменует собой **исхождение** из того хозяйственно-экономического строя, который создан в России при коммунистической власти; но это не есть «такая уступка коммунизму, которая граничит с его признанием». Наоборот, это замысел **преодоления** коммунизма, при сохранении из существующего того, что правильно и необходимо или, вернее, - того, что **может** стать правильным и необходимым, если его поставить в иной **вне коммунистический** контакт. В частности же концепция **хозяйнодержавия** **многосторонне** и **по сути 3 / т в е р ж д а е т л и ч н о - х о з я й с т в е н н ы й п р и н ц и п** который в коммунистической теории не признается вовсе, а на деле допускается коммунистами в порядке **вынужденной и крайней** уступки

П. Савицкий.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Россия». Статья Н. В. Устрялова в №№ 1-2 журнала «Вестник Маньчжурии» (1926) Харбин

Профессор Устрялов, известный СМ-БНОВ-БХО-вецъ, бывш министр в правительстве Колчака, нынЪ состояний на советской службе в должности заведующего учебнымъ ОТД-БЛОМЪ в Маньчжурш, побывавъ в прошломъ году в Москве — впервые ПОСЛБ 1918 года — и пишет о своих впечатл'вяхъ. — «Я увзжалъ изъ Москвы, — пишет онъ, — в дни жестокого разгара революш, после покушеша на Ленина. На улицахъ виталъ ужасъ массовыхъ казней, Терроръ былъ возведенъ в систему... Москва замирала, холодила»... — Лтъ 1925 года: — «Съ отравою осматриваешъ давно невиданныя вещи: — землянику... сливы, янтарную осетрину... На Пречистенке, въ одинъ изъ первыхъ дней, завшгвль обыкновенную р'Бпу у зеленщика, свежую, прямо съ огорода — и не стерпль; тутъ же на улице принялся чистить и жевать. Соскучишься и по рпт въ далекой Маньчжурш. Плоть воскресла»!...

Первыя впечатл'вша Устрялова переданы въ ряде сочныхъ и яркихъ импрессионистическихъ набросковъ, наеыщенныхъ неподдельной радостью скитальца, вернувшася на родину. Переулки Арбата... закатъ у памятника Гоголя... и опять черешни и белуга въ Охотничьемъ ряду. Но вотъ путешествие(Нникъ слегка огляделся и приступаетъ къ размышлешямъ о судьбахъ новой Россш, Это разсуждешя и выводы интеллигента старой формации, смтанившаго веки однимъ изъ первыхъ (о чемъ онъ неоднократно вапоминаетъ) еще въ 1920 году, когда сердце сказало внятно, повелительно: «Россия, Россия, quand t'ete !...» Устряловъ какъ бы говоритъ, обращаясь къ новому покол-вшю: «Я старомодный интеллигентъ, высококвалифицированный спецъ, пишу профессорскимъ слогомъ, по привычке вставляю на каждой странице фразы изъ всѣхъ ртностранныхъ языковъ, но я искренне вамъ симпатизирую и отъ всей души желаю быть вамъ полезнымъ. Примите меня такимъ, каковъ я есть и не считайте меня чужимъ, любопытствующимъ иностранцемъ». Часто проскальзываютъ у него не вполне умг>стныя въ сов. журнале воспоминашя о его деятельности у Колчака въ такомъ, пригл., тонъ: «Да, я былъ тамъ и не боюсь вспоминать объ этой ошибке». Попутно онъ затрагиваетъ вопросъ, щекотливый для него самого и глубоко важный для всѣхъ эмигрантовъ (въ томъ числе и «внутреннихъ», т. е. оставшихся въ Россш, о которыхъ речь будетъ ниже), вопросъ объ отношенш къ сменовеховству. — «Какъ вы смотрите на сменовеховство? — спросилъ при мне мой прятель

некоего виднаго коммуниста, одного изъ заметныхъ парпйныхъ литераторовъ. Тотъ нашелъ ответъ мгновенно: — На это надо смотреть дла-лектически. Сначала оно было хорошо, а теперь плохо!» — Черезъ несколько страницъ эта мысль поясняется. Оказывается (стр. 91), самъ Устряловъ себя къ сменовеховцамъ не причисляетъ, т. к. движете подъ этимъ назвашемъ появилось среди западной эмигрант уже после того, какъ онъ въ Маньчжурш перешелъ къ большевикамъ. «Несомненно, — говорит онъ, — вначале перспективы сменовехизма были достаточно благоприятны и почва для него достаточно благодарна. ПражскШ сборникъ всерьезъ всколыхнулъ эмиграшю, довольно шумно отозвался и въ Россш. Съ нимъ считались, онъ имелъ успехъ. Онъ обреталъ уже широкш базисъ. Но руководящая группа такъ поспешно и несолидно «соскользнула влево», такъ безотрадно утратила самостоятельный обликъ, что скоро дотла растеряла всякое вляше въ интеллигентскихъ кругахъ и всякое внимаше со стороны самой сов. власти. Лидеры не оказались на уровне возможностей; оне, очевидно, осуществятся помимо своихъ неудачливыхъ идеологовъ. Сменовеховцы, превратясь въ накануневцевъ, стали **коммуноидами**: этотъ выразительный терминъ я слышалъ въ Москве и отъ спецовъ и отъ коммунистовъ. И те и друе приносили его съ несколько презрительной прошею».

Вывода Устряловъ не делаетъ, но онъ напрашивается самъ собой: можно быть сотрудниковъ сов. власти, но не работъ ея.

Къ сменовеховцамъ примыкаютъ и литераторы современной Россш («одни флиртуютъ съ револющей, друе и впрямъ въ нее влюблены кипучей юношеской любовью, третьи наравятъ вступить съ ней въ бракъ по расчету»), — а также, въ сущности, большая часть интеллигенци. Она вся стала «служилой» и служить за совесть. Конечно, въ глубине души эта бедная высеченная интеллигенция, особенно старые ея представители милюковскаго типа, жестоко страдаетъ отъ лишения гражданскихъ свободъ. Но, какъ правильно замечаетъ Устряловъ, «слишкомъ долго наша интеллигенция истоведывла и проповедывала «опозицию, какъ м'ровоззренле», чтобы не пришла Немезида. Видно, слишкомъ ужъ односторонне и однообразно пользовалась она своей относительной свободой, разъ НСторш подшутила валь ней такую неслыханно злую шутку. — «Довольно -де блеять о высшей политике. Пусть, моль, теперь статистики вместо того, чтобы свободно обличать язвы существующего строя, прилежнее займутся подсчетомъ цифръ для Госплана. Тутъ у нихъ полная свобода слова, устало и печатнаго».

— Однако, мы в эмиграции ошибаемся, если думаем, что духовная жизнь России умерла, оттого что лишена возможности воплощаться в журналы и газеты. Кружки литературно-философски-религиозные, собиравшиеся за чашкой чая по всевозможным животрепещущим вопросам, вплоть до обсуждения «текущего момента», распространены в Москве не меньше, чем десять лет тому назад. «Один особенно упоен Достоевским, другой исходить от Вл. Соловьева, третий увлекается евразийскими перспективами... За относительно ВН-БШНИМ благополучием современной европейской жизни, вскрывают духовную опустошенность, исчерпанность, безысходность старыми средствами растущая неуклонно тенденция разрушения и распада. И в русской революции приветствуют явственный сигнал н-вкоей радикально, принципиально новой эры в истории человечества».

Нервно слышишь беседы и на темы религиозные. — «Часто слышал в Москве о большом развитии в деревнях сектанства. В некоторых районах укрепляется старообрядчество... В интеллигентских кружках там и сям загораются болотные огоньки рафинированной мистики... Автор неожиданно обрывает, как-бы спохватившись, и читателю предоставляется самому доискать: в сердцах назрела реакция против гнета грубой материалистической филозофии интеллигентов старой формации и вождей коммунизма. Вообще, в своих выводах Устрялов может быть не всегда вполне искренен и в самом важном не решается договаривать до конца, часто ограничиваясь намеком. Но за намеками и недомолвками чувствуется искреннее желание дать понять действительное положение России, где коммунизм сейчас уже в состоянии ущерба и страна стоит на рубеже иного, еще, быть может, более значительного исторического этапа. Ощущается рост новых сил, «**новой из революции выходящей России**». Разумеется, это не имеет ничего общего с тем, на что рассчитывают рядовая эмиграция. В Москве понимают, что положение гораздо более своеобразно и сложно, чем оно обычно изображается зарубежными газетами. Впрочем, и в Москве Устрялов встречал «внутренних эмигрантов», тех, которые томятся в России и мечтают взять посох беженца. Подобно своим зарубежным братьям по духу, эти жалюя тени прошлого мечтают об «интервенции» (очередная вера — в англичан и Чембелэна) и живут слухами. Подобно разным зарубежным «кирилловцам» и «эсэрам», они еще надеются, «верить, что все это не всерьез».

Наиболее любопытны наблюдения Устрялова сделаны в области его специальности, в школе. *)

) Странная на первый взгляд должность "Устрялова — зав. учебным отделом в Маньчжурии — объясняется тем, что когда поел гибели Колчака в Полосу Отчуждения Кит. Вост. ж. д. хлынули беженцы, среди них оказалось значительное число учителей и профессоры, что дало возможность в Полосу Отчуждения открыть пять высш. уч. зав. (Юрид. факультет, Политехнич. Инстит., Высш. мед. школа, Педаг. Инст., Народный Унив.), не говоря уже о средних и низших. Устрялов повел

«Когда едешь по Сибири, глаз поражает обшпек ребячьих на станциях, телят и жеребят на пастбищах. Растет новое поколение. Растет новая Россия». — Так начинается глава о школе. «... Какой-то стихийный, органический рост. Слышишь его, воспринимаешь всеми пятью, кажется, чувствами. Прет, словно изпод земли. Здоровая сердцевина у наших. Пусть бедно, пусть еще плохо, пусть часто глупо, — есть в основе какое-то большое, многообещающее здоровье. Целительная сила природы вернее всяких суррогатов цивилизации. Уходят годы испытаний. Организм самотеком наливается жизненными соками».

Устрялов наблюдает реформы в советской школе. Наркомпрос, првидимому, отстает от других министерств в том отношении, что еще не пережил период дилетантизма, нащупывающий, опытов. Это и не удивительно: если эра опытов в военном деле не могла длиться более полугода, а в области народного хозяйства несколько больше, то в школьном деле период искажений может растянуться на значительно дольше сроки, не вызывая этим опасности для государства. Но уже и сейчас, за уродливой частотой внешности («стенгазеты», «красные уголки»), можно заметить слабые симптомы. Страна охвачена потребностью в знаниях. В современной студенческой молодежи, под неограниченной пролетарско-комсомольской внешностью, Устрялов заметил «какой-то праздничный пафос знания, преклонение перед знанием». Для прежнего поколения («для нас») наука была чем-то будничным, спокойно полученным по наследству. Для современности она завоеванная дар и «грызть гранит наук молодыми зубами» это и наслаждение, и потребность (как, может быть, 200 лет тому назад, во времена «Дж. Оянса Академии»). «Но, — добавляет Устрялов, — самый образ — гранит и зубы — не случаен: легко ли грызть гранит зубами, хотя бы и молодыми?»

Жизнь, здоровая сердцевина наших, побеждают на всех фронтах, и не только на фронтах гражданской войны. Наша оказалась жизнеспособнее, чем предполагали все, и те, кто подобно Устрялову, бежали из Москвы 8 лет назад, и те, кто на основании канонических догматов править с того времени России. Ибо действительность складывается вопреки предсказаниям первых и канонических вторых. И ошибившись в своих предположениях однажды, профессор Устрялов не хочет уже (или не решается) предсказывать будущее. Впрочем, в одном месте есть у него такой осторожный намек:

«Все прекрасное трудно... Одно ясно: из интернационалистической революции Россия выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания. Октябрь с каждым годом национализируется; нужно будет публично выразить формулой: «**национализация октября**».

Н. Татищев-

советизацию школ, оказавшихся в его ведении. В последние недели, по распоряжению Чанг-Тсо-Лина, представителем маньчжурского диктатора, отдан приказ о реквизиции школ В.-К. ж. д.

Б. ДЕНИКЕ. ИСКУССТВО ВОСТОКА. — Казань. 1923. in 8-о, 250 стр., 11 таблиц.

Несмотря на то, что в России находится богатейшее собрание рукописей, памятников прикладного искусства и архитектуры мусульманского Востока, по изучению истории искусства Востока русскими учеными сделано сравнительно мало. Богатейшее собрание миниатюр в Публичной Библиотеке и Азиатском музее издано лишь частями, и притом почти исключительно в трудах западных ученых. Хуже всего дело обстоит с архитектурными памятниками Туркестана. Великолепные мечети Тимуридов в Самарканде, никогда не забываемые для того, кто раз их видел, достойные самых великолепных изданий, до сих пор полностью не опубликованы (за исключением усыпальницы Тимура «Гур-Эмир»). Со времени присоединения края, много памятников архитектуры безвозвратно погибло. Существующие здания осыпаются, страдают от землетрясений и расхищаются любителями. Многие уже упущено, и велика обязанность сохранить эти единственные в мире по своему великолепию остатки мусульманского зодчества.

Еще меньше сделано русскими учеными по изучению памятников Персии. Легкомысленное и тупое нежелание русской интеллигенции изучать Восток, с которым так неразрывно связаны исторические судьбы России, и недостаток научных сил, были причиной того, что в области изучения памятников Востока мы принуждены уступить первенство Европе. Только в 1923 году появился в России первый общепопулярный труд по искусству Востока, (названная выше книжка Б. Денике). Небольшая книжка, написанная с большой любовью, посвящена, главным образом, мусульманской миниатюре. Автор излагает историю миниатюры, следуя за мнением западных ученых и пользуясь их трудами (Белль, Биньон, Блошет, Кюнель, Мартин, Мижон, Сарре и др.). Немногочисленные иллюстрации знакомят читателя с прекрасными памятниками мусульманских миниатюр, хранящимися в русских собраниях.

История мусульманской миниатюры начинается обычно с XIII века памятниками так называемой арабо-месопотамской школы, так как более ранние памятники переходного времени от мусульманского искусства к мусульманскому, до нас не дошли. Несколько иллюстрированных рукописей этой школы, хранящихся, главным образом, в Национальной Библиотеке в Париже, и великолепный экземпляр «Макам» Харири (очень популярный цикл комических приключений) Азиатского Музея в Петербурге, представляют эту школу, существовавшую до XIV века. Миниатюры, главным образом, исполнены желтой, красной и золотой красками, с добавлениями блекло-зеленых, синих и светло-лиловых тонов, с тяжелым и твердым рисунком, посвящены изображению бытовых сцен и прекрасно передают семитский тип месопотамского араба. В некоторых миниатюрах этой группы ясно заметно влияние сирийского и византийского искусства.

Персидская миниатюра, сохранившаяся в значительно большем количестве экземпляров, более известная любителям и ученым, обычно разделяется на три отдела: монгольский, тимуридский

и сефевидский. В последнее время выделяют еще группу до-монгольских персидских миниатюр, связанную с древней сасанидской традицией. Миниатюры монгольской эпохи резко отличаются наличием ярко выраженного китайского влияния. Вместе с монголами в Туркестан и Персию пришли китайские художники, архитекторы и ученые, оставившие сильный след на искусстве эпохи. *). Самые важные памятники этой школы посвящены, главным образом, иллюстрированной истории монголов, относятся к 13 и 14 веку и представляют большой археологический и историко-культурный интерес. В 15 веке в Бухаре и Самарканде при дворе Тимуридов создан большой культурный центр, в котором собрались лучшие художники, архитекторы и ученые эпохи. Из этой придворной школы вышло великолепное искусство персидских миниатюристов 16-го века. Китайское влияние остается в прежней силе в деталях и в приемах китайской композиции, размещающей фигуры в особом ритмическом сочетании по всей поверхности перспективы. 15-ый век — время необычайного расцвета и блеска для Туркестана. В Персии во второй половине 15-го века в Герате работал необыкновенный мастер рисунка, Бехзад. Слава его была настолько велика, что еще при жизни его, его произведения высоко ценились, собирались и подделывались. До нас дошло около 90 миниатюр Бехзада. Великолепный, тонкий рисунок, смелая и прекрасная композиция, и, особенно, общий дух задумчивости, покоя и тишины, царящий в его композициях и удивительных фигурах задумавшихся дервишей и учителей, производят неизгладимое впечатление. Публичная Библиотека владеет двумя иллюстрированными рукописями Бехзада.

Ученик Бехзада, Ага-Мирек, унаследовавший тонкий, изумительный рисунок своего учителя, перешел от простоты Бехзада к некоторой грациозной условности, не умаляющей, впрочем, ценности его работ. Замечательна его миниатюра, изображающая вознесение Мухаммеда на небо, окруженного сонмом летящих ангелов. В 16 веке, при дворе Сефевидов, персидская миниатюра приобретает более национальный иранский характер. В Тавризе создается придворная школа, с большим мастерством изображающая сцены охоты, придворных шеголей, принцев и нежных и задумчивых юношей. Лучшим мастером сефевидской школы был Содтан Мухаммед. В Публичной Библиотеке сефевидская школа представлена двадцатью иллюстрированными рукописями. В 17-ом веке наступает упадок, искусство иллюстраторов сводится к ремесленному копированию старинных обзоров и внешнему подражанию западным художникам.

История турецкой (Сюпской) миниатюры подразделяется на два различных отдела: отдел джагатайских миниатюр 15 и 16 века, хранящихся, главным образом, в Публичной Библиотеке и в Азиатском Музее и представляющий большой интерес в истории творчества турок (тюрок). Дру-

*) Замечательная иллюстрация к уяснению роли монголов, как объединителей Старого Света не только в политическом, но и культурном отношении. Ред.

гой отдел — турецких константинопольских миниатюр 16 и 17 века, находится под несомненным влиянием запада. Последний отдел — индийской миниатюры, связанный с историей великих Моголов, начинается в 16 веке под непосредственным влиянием персидской миниатюры. Довольно скоро индийская миниатюра приобретает свой национальный характер и отражает древне-индийскую живописную традицию. В 17-м веке в нее проникают европейские влияния, под воздействие которых она и кончает свое существование.

Отдел восточной миниатюры Денике заканчивает довольно подробным обзором существующей литературы.

Следующая глава книжки посвящена обзору прикладного искусства, главным образом, истории тканей и ковров. Этот отдел разработан значительно менее предыдущаго, а вместе с тем он представляет для нас особенный интерес, так как русская торевтика (изделия из золота и серебра), русские ткани создавались в равной степени под влиянием византийского и персидского искусства, а русский народный орнамент и русская народная набойка до самого 19-го века питалась почти исключительно из запасов персидских орнаментальных форм.

Последний отдел книги представляет краткий конспект истории мусульманского зодчества.

Книга Денике, вызванная пробуждающимся в России интересом к Востоку, предназначена для широкого круга читателей. Сжатое изложение содержит большое количество фактов и указаний на специальные труды. Это первая попытка дать краткую историю искусства мусульманского Востока на русском языке, должна быть встречена евразийцами с большим сочувствием. Необходимо, чтобы изучение истории искусства и археологии Востока шло в России несколько более крупными шагами. Иначе нам придется просить объяснения истории развития русского искусства, так часто выходящего, из истории искусства Востока, — у Европы;

Крупный недостаток книги Денике — относительная бедность иллюстрациями. При первом ознакомлении читателя с историей искусства, многочисленные и хорошие репродукции памятников являются совершенно необходимыми; они дают непосредственное представление и имеют несоизмеренно большее значение, чем самые подробные описания.

Н. П. Толль.

Испыташе огнемъ.

Comte Renaud de Briey, « L'epreuve du feu », 1925.

Еще одна книга, трактующая о банкротстве либерализма, демократы, парламентаризма. За последние годы попытки пересмотра основ европейского государственного права не редкость, но этот труд бельгийского профессора обратил на себя особое, внимаше во всей Европе и сам Муссолини написал в предисловии к нему: «Правители государств должны с большим интересом изучать проекты, подобные этому, который вместо устаревшего парламентаризма предлагает новые базисы для политического устройства».

Авторъ называетъ свою книгу «Размышлениями о политических урокахъ войны». Военная и по-

сленная потрясеша съ особой ясностью показали, что европейская держава идет по неправильному, опасному пути. XIX В-БКЪ прошелъ под знакомъ парламентаризма; парламентскистрой европейскихъ государствъ ненормаленъ и отвратителенъ, онъ поддерживаетъ и легализируетъ состояше в'бчнаго междуособія, онъ породилъ войну; эта система должна быть навсегда уничтожена, какъ противоречащая «логике и здравому смыслу, ВСБМЪ естественнымъ законамъ, Божескимъ и челов'бскимъ». De Briey не находитъ достаточно едкихъ и убшственныхъ словъ, чтобы очернить ненавистный строй и самая сильная часть его книги «Парламентарная аНархiя» заканчивается такъ:

«О, если бы мы могли, для в'бчнаго назиданш ч'блов'бчеству, написать когда нибудь на могиле последняго демагога (прламентарш) эпитафию, которую приготовилъ ему Киплингъ: — Пахать не могъ, воровать не смелъ; тогда я сталъ лгать, чтобы нравиться толпе».

Белья и вся Европа сейчасъ на повороте своей исторш. Чтобы выбраться изъ тушика и спастись отъ смертельной болезни, для белой расы нужны новые принципы и новыя учреждеша. De Briey находитъ этотъ новый, спасительный принципъ въ «правительстве спецалистовъ». Онъ намечаетъ для больш строиную правительственную систему съ шестью «палатами спецалистовъ», а именно: спецовъ землед'ля, индустрш, торговли, юстицш, наукъ и искусствъ и, наконецъ, «моральныхъ интересовъ». И хотя въ этомъ перечне область «моральныхъ интересовъ» отведена на последнее место, De Briey въ основу своего здаша кладетъ тотъ камень, который отвергли строители системъ XIX века — христианскую церковь (католическую). Постоянно напомицаетъ онъ, что неисчислимыя страдашя, которыя приходится переносить современнымъ людямъ, находятся въ прямой связи съ принципами французской революци, стремившейся разрушить христъанство; лишь хриснанская церковь можетъ дать государству стройность и равновесе, незнакомыя языческому Миру. Словами Иисуса Христа Пилату: «Ты бы не имелъ надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше», былъ установленъ принципъ божественнаго проиехождеша всякой власти и наряду съ этимъ заповедью отдавать Кесарево кесарю, а Божье Богу, личность освободилась отъ конечнаго порабождеша государствомъ и приобрела внутреннюю свободу. Поэтому средневековый строй, сплошь проникнутый религиознымъ м*ровоззренiемъ, обладалъ наибольшей политической свободой. Средневековая культура была разрушена Возрождешемъ, вернувшимъ политическое идеалы Европы къ дохрист'анскимъ временамъ и подготовившимъ языческое принципы революци и лже-свободы. (ер. статью Ильина «Столпъ злобы богопротивной» въ 4-мъ Евраз. Временнике).

— Сто летъ тому назадъ Пушкинъ писалъ объ екатерининскомъ вельможе, посетившимъ Аннио: «Но Лондонъ звалъ твое внимаше. Твой взоръ Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ: Здесь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый, Пружины смелыя гражданственности новой».

Сменились только 3 поколеша, и преклонеше предъ «двойственнымъ соборомъ» превратилось

въ самой Европе въ ненависть и отвращеше. Весьма показательно, что одинъ изъ самыхъ преданныхъ поклонниковъ романской культуры, старикъ Г. Ферреро, чуть ли не первый сказалъ, сразу после войны, что старые принципы европейскаго права рухнули и что Европа должна найти новые, если не хочеть захлебнуться въ волнахъ анархш, подобно тому, какъ погибъ Римъ, когда палъ авторитетъ Сената («Крушеше античной цивилизацш», 1921.).

— Евролейсюя учреждеша не выдержали испытаншя огнемъ.

н. т.

О. М. Д'Эрбиньи. Церковная жизнь в Москв-в. Авторизованный переводъ съ французскаго И. Ф. Наживина. Парижъ. 1926, стр. 115.

Переводчикъ снабжаетъ книгу предисловiемъ: «О. М. Д'Эрбиньи въ одной изъ первыхъ главъ своего труда, правильно установивъ тесную связь самодержавiя съ православiемъ, выражаетъ удивлеше, что самодержавiе въ своемъ паденш не увлекло за собой въ пропасть и своего союзник^ I православiе. Но, дамъ кажется, что все содержаше его труда самымъ красноречивымъ образомъ опровергаетъ это его утверждеше: — православная церковь въ невероятной смуте и грязи гибнетъ вследъ за самодержавiемъ... надежды на православную церковь, какъ на какое-то национально организующее и возрождающее начало, тщетны.... она — погибла». Тайна будущаго и судьбы Церкви Божией ясны Наживину. Приведенныя фразы говорятъ сами за себя. Въ действительности же, книга Д'Эрбиньи, въ ея документальной части, опровергаетъ, а не подтверждаетъ! тезисъ Наживина. Последующее изложеше является тому пояснешемъ.

Д-Эрбиньи обладаетъ литературнымъ талантомъ. Образъ Москвы и образъ Рима — образы, близкие русской исторюсофской традици, владеють его сознашемъ. Какъ пойдеть русская револющя? Каково будущее Европы? Будущее Мира? Москва и ея Кремль играютъ въ исторш Мира более крупную роль, чемъ когда бы то ни было... Каюя собрашя соберутся тутъ въ этихъ дворцахъ и соборахъ въ будущемъ близкомъ и далекомъ? Сегодня красное знамя, кресты, короны, орлы съ распростертыми крыльями одновременно поднимаются въ небо..... Не обходится и безъ упоминатя объ евразшцахъ : «мечта несколькихъ эмигрантовъ, которые зовуть себя евразшцами и которые хотять обновить Рооцию, обязативъ ее, осуществляется теперь же методами людей знающихъ... Москва хочеть стать и отчасти уже стала головой Азiи: делегаци китайсюя, японсюя, афгансюя, индуссюя и персидсюя... едутъ сюда искать правды и указашъ... Три часа размышленш о томъ, каюя желатя и молитвы заставилъ бы св. Духъ родиться въ душе св. Павла... Св. Павелъ пожелалъ бы быть въ центре этой имперш, более огромной, чемъ былъ некогда языческш Римъ, онъ пожелалъ бы дать тутъ Христу свидетельство слова и крови, а людямъ свидетельство любви въ испуляющемъ милосердие Христа.... Не возблагодарилъ бы Св. Павелъ Бога, думая, что онъ подготавливаетъ святыхъ въ

Росш, дабы крестъ Христовъ возблсталь среди народовъ Азш, которые до сихъ поръ остаются жертвами язычества? Векъ или два въ планахъ Провидеша не много значатъ. Катя судьбы заготовило Провидеше русскому народу въ его ус-тремлешяхъ къ Азш?»

Д'Эрбиньи насчитываетъ девять или десять «православныхъ церквей» въ Росш. Въ числе ихъ онъ называетъ явленшя местныя, въ виде расколовшейся надвое всеукраинской церкви — («липовщина») и автокефальной церкви грузинской; и являеша отмирающя, въ виде «трехъ или четырехъ iерархiй красныхъ». Если не касаться староверовъ, остается два церковныя являеша общерусской значимости, описанныхъ Д'Эрбиньи, «тихоновцы» и «синодальные или обновленцы»...

Д'Эрбиньи рассказываетъ своимъ спутникамъ по осмотру Успенскаго собора о «Риме съ его катакомбами», но самъ не видитъ катакомбъ за той «очень красивой дачей», въ которой онъ находитъ Митрополита Петра. «На даче нетъ никакой роскоши, но она имеетъ два этажа и удобна». Д'Эрбиньи не можетъ удержаться отъ зависти: «Что можетъ она стоить, спрашиваю я себя, сравнивая ее съ помешешемъ одного виднаго дипломата... Но верующше Москвы принимаютъ г'бмъ не менее на себя расходи по содержашю «очень красивой дачи» для «хранителя паТриарнаго престола». — Пусть вспомнилъ бы Д'Эрбиньи о дворцахъ Ватикана, о безчисленныхъ архiепископскихъ и епископскихъ дворцахъ Запада и понялъ бы ГДЕ земные соблазны и гд'б, за образомъ «очень красивой дачи» — образъ страстей, образъ тюремной камеры, на которую дней чер'езъ 60-70 после посвшетя Д'Эрбиньи сменилъ Митрополитъ Петръ свою дачу, вызвавшую финансовыя размышлеша Д'Эрбиньи!.. (Д'Эрбиньи былъ въ Москве въ октябре 1925 года).

Западный человекъ, «высокою поддержкою французской власти» получившш «въ течеше трехъ дней визу въ генеральномъ консульстве СССР, въ Париже», человекъ, шиехавпш въ Москву, чтобы «использовать мeсяцъ отпуска», человекъ — во всемъ благополучш Запада, — который пргвхаль и который ублеть — ишетъ беседы съ Митрополитомъ Петромъ, который не презжалъ и который не уедеть. Митрополитъ «просить извинить его: сегодня онъ чрезвычайно усталъ, а следующие дни — это была неделя Покрова Пресв. Богородицы — онъ очень занятъ. Тогда я прошу указать мне какого-нибудь дрстойнаго доверiя епископа, который могъ бы побеседовать со мной отъ его имени. И я прибавляю: было бы хорошо, если бы этотъ Лерархъ говорилъ по французски, или по немецки, или по англшски, или по италянски. Но онъ отвечатъ: «Это невозможно... мы все говоримъ только по русски». Это наводитъ меня на размышлеша. ... «вопросъ о языке второстепененъ, мы будемъ говорить по русски...». Наконецъ, мне даютъ имя». Д'Эрбиньи говоритъ съ епископами Патр'аршей Церкви. «Намъ довольно русскаго языка, какъ довольной русской церкви».—Эта фраза одного изъ епископовъ приведена Д'Эрбиньи среди замечанш, имеющихъ характеризовать непросвещенность и узость взглядовъ представителей паТриаршей Церкви. Но самъ же Д-Эрбиньи въ ирони-

ческом тоне, отмечает, что современность истолковывается ими, «как некое пророчество: протестантский Мирф придет скоро, чтобы стать на колени перед православной церковью и принести покаяние. Он будет просить Патриарха московского о крещении и об установлении у него всех таинств..... Не папизм ли это вам м-шает видеть неизбежное подчинение протестантов авторитету будущего Патриарха московского?..». — Если освободить от латинских налетов предвидения самого Д'Эрбиньи о будущем христианства в России, — не найдем ли мы в них пророчества **о чем-то таком же**, только обращенном к Востоку?...

Д'Эрбиньи говорит о пассивности представителей Патриаршей Церкви в ДЛБ проповеди и обучении катехизису: «предвидеть или подготавливать будущее церкви было бы, по их митэнт, узурпацией прав Провид'Ьшия, дерзость, противная вере и надежде. «Бог бдит над своей церковью, а нам вмешиваться нечего», — говорил мне один из самых молодых среди них.... Эта систематическая пассивность не является ли главной добродетелью для членов тихоновской иерархии?..». — Подумал ли Д'Эрбиньи: а если «члены тихоновской иерархии» и совершают возможное в деле проповеди и «обучения катехизису» — могли ли бы они рассказать об этом ему, Д'Эрбиньи? **ведь это тоже (как и друия беседы) было бы напечатано?...** а после напечатания, сохранили ли бы епископы возможность «предвидеть или подготавливать будущее церкви»?...

Д'Эрбиньи был в катакомбах; а думает и поступает как будто был в светском салоне....

Не будем приводить заключительных слов Д'Эрбиньи о патриаршей Церкви (о сердцах, которые «сухи, жестки»), — они неоднократно воспроизводились в русской печати: борьбой против принятого грегорианского календаря и за длинные волосы Д'Эрбиньи хочется заслонить подвиги страсотерпничества.... И в этом случае не хочется понять общаго, из чего вытекают отдельные черты: «твердую волю, упорство в русской традиции, рассматриваемой как совершенное выражение Божественной воли», нужно было бы сказать: твердую волю в православной традиции. Такую волю Д'Эрбиньи винить «в народной массе». Но это и есть воля Патриаршей Церкви...

В тоне Д'Эрбиньи есть оттенки, значительно худшие, чем суждения светского салона. Говоря о преемниках, назначенных Патриархом Тихоном на случай смерти, Д'Эрбиньи, не приводя никаких обоснований и доказательств, голословно и тем самым **безнравственно** бросает такую фразу: «Митрополит Петр Крутицкий, поставленный только на третьем месте, сумел отправить в ссылку как его (архиепископа Агафангела), так и второго кандидата, Кирилла, митрополита казанского. Освободившись, таким образом, от этих двух соперников... он мог действовать полным хозяином». Чувствовалось, видно, сердце Митрополита Петра, кого он видит пред собою в лице искателя информации.

И поистине он был добрый, когда продолжал беседу и назвал имена...

Значительно приятнее было для Д'Эрбиньи общение с представителями синодальной церкви. Здесь он не слышал докучных слов; «О, папа!». Если, конечно, он покается, чтобы быть принятым в лоно церкви, если он попросит восточных патриархов... Наоборот, синодальное духовенство «охотно сравнивает себя с епископами конкордата 1801: ни бунтовщики вроде тихоновцев (!), ни присягнувшие, как красные... но канонически утвержденные патриархом константинопольским, как епископы конкордата папой Пием УН».... (В другом месте Д'Эрбиньи занимается вопросом, кто пишет доносы на представителей Патриаршей Церкви. И не замечает, что сам передает эти доносы.... «тихоновцы — бунтовщики». — «Я очень счастлив, что митрополит (А. Введенский) изложил католическую мистику. Нам это очень нужно...», (обращенная к Д'Эрбиньи слова одного из членов синодальной церкви).

О синодальной церкви и ее представителях Д'Эрбиньи сообщает не мало существенного.

Твердость народных масс не позволяет синодальному духовенству углублять раскол, побуждает признать, что «даже в вопросах, не имеющих догматической важности, как борода, волосы, второй брак священников, избрание женатых епископов, нужно придерживаться лишь поведения, которая не оскорбляет народ». Большинство же «простого народа хочет священников, которые носили бы бороду и длинные волосы, и иерархию, все епископы которой придерживались бы безбрачия и были бы монахами». Если судить по данным Д'Эрбиньи — отлучение синодальной церкви от Церкви патриаршей и лишь уклончиво-искаательной церкви синодальной: церковь катакомб и церковь конкордата...

Д'Эрбиньи приходит на собор синодальной церкви: «после полудня 5-го октября я прошу допустить меня в качестве зрителя... вместо того, чтобы отвести мне место на трибунах, где сидеть публика, не имеющая права голоса, митрополиты хотя бы непременно представить меня собранию. Все встают и кланяются мне... Мои слова принимаются сочувственно. Номераанный билет обеспечивает мне пребывание на дальнейших заседаниях».

Чрезвычайно характерно различие в отношении Д'Эрбиньи к Церкви Патриаршей и к церкви синодальной; в противоречии со словесно провозглашенной равносильностью: — в лучшем случае — холод к первой и покровительственное отношение ко второй....

Как наблюдатель, Д'Эрбиньи в нескольких местах отмечает приверженность народных масс к церковной традиции; потому-то «истинно-православными зовет себя духовство и верующие всех соперничающих церквей».... В описании служения одного из епископов Патриаршей Церкви Д'Эрбиньи дает яркую картину народного благочестия. И не только в свете внутреннего чувства, но также пред лицом

этой и подобных ей картин, начертанных рукой человека, чуждаго Православной Церкви, — одновременно пустыми и мерзкими кажутся при-

веденные выше слова Наживина...

Будем надеяться и верить, что откроет Господь Богу глаза невидящих и уши неслышащих.

Братислава.

В феврале 1926 года П. Н. Савицкий прочел в Братиславе (Чехословакия) доклад о «России, как особом историческом мире». Этот доклад касался исключительно научного обоснования евразийства со стороны исторической и географической (русский исторический процесс доклада рассматривал в рамках евразийского «месторазвития»). Доклад этот привлек почти всю русскую колонию в Братиславе и возбудил много разговоров. Но как по характеру темы (чисто научной), так и по способу произнесения (перед большой аудиторией, без последующих пренш), — он оставил в лицах, наиболее заинтересовавшихся евразийством, ряд нерешенных вопросов. Чтобы дополнить знакомые с литературой личным общением, — уже в августе этого года, по инициативе братиславец, была устроена беседа в более интимной обстановке, в которой П. Н. Савицкий сделал методологическое введение к работе над евразийской литературой. Он указал, между прочим, на «многоаспектность» евразийства: евразийцам приходится держать одновременно несколько «фронтов»... Это не утяжеляет, а, наоборот, способствует цельности евразийского мировоззрения, во всех своих горизонтах проникнутого (осознанно или неосознанно) **идею личности**. Система евразийства есть система **иерар-**

хш личностей. От высочайшей идеи Личного Бога, мы переходим к идее нации и **собора наций**, как особого рода личностей. Россия есть личность, и личностью же является Россия-Евразия, как **соборность наций**. Через многие переходы идею к идее хозяина, как личного воплощения хозяйственного начала- и т. д. и т. д. —

Докладчик напомнил присутствующим об общем нашем долге: естествоведческие и техника существуют в современной России и обладают возможностью развития; религиозная же и философская мысль не имеют возможностей выявления; Церковь лишена поддержки сколько-либо мощной **современной** религиозной и философской литературы. Но великая российско-евразийская культура не может обходиться без столь существенной отрасли, как литература по религиозным и философским вопросам. Долг тех православных, тех евразийцев, на кого не распространяются коммунистические запреты, возделывать и питать русскую религиозно-философскую мысль и литературу; и сделать так, чтобы ее голос был слышен и «во отечестве»..

Было затронуть и еще ряд вопросов, как понимая евразийства, так и чисто практических. Последовавший обмен мнениями был плодотворен. Братиславская евразийская группа приступает к работе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Письмо из России — Е. Р.	3
Переписка с «Азиатом» В. Ивановым — В. Никитин.	6
Младороссы — Л. Карсавин.	13
Текущее.	
По поводу полемики с евразийцами.	18
Разсказ студента-евразийца, прибывшего из СССР — Д.	19
Балканы — П. М. М.	23
Евразийцы в Бельгии — И. Степанов.	26
Доклад И. Степанова — И.	29
В порядке обсуждения.	
К вопросу об экономической доктрине евразийства — П. Савицкий.	31
Библиография.	
«Россия». Статья Н. В. Устрялова — Н. Татищев.	39
Б. Денике. «Искусство Востока» — Н. П. Толль.	41
«Испытание огнем». Comte de Briey — Н. Т.	42
О. М. Д'Эрбиньи «Церковная жизнь в Москве», С.	43
Доклад П. Н. Савицкого в Братиславе.	45

Съ осени текушаго 1926 г. открывается въ Париж*

ЕВРАЗІЙСКІЙ СЕМИНАРЪ

(ЛЕКЦІИ и СОБЕСЪДОВАШЯ)-

Подъ общимъ руководствомъ Л. П. КАРСАВИНА.

Въ осеннемъ семестрѣ состоится первый циклъ лекцій Л. П. КАРСАВИНА

подъ заглавіемъ **РОССІЯ и ЕВРОПА**

(Смысль революціи; будущее Россіи; основы Евразшства).

За нимъ послѣдуютъ отдѣльныя лекціи на темы: «Очерки развитія Персидской культуры», «Проблемы новаго правосознашя», «Проблема собственности», а также специальныя занятія по изученію **Православнаго богословія.**

Для весенняго семестра 1927 г. намечены слѣдующія темы:

«Государственный строй СССР, и госуд. строй будущей Россіи»; «Учете о личности, какъ основе обществѣд-вшя и государствѣд-втя», «Очерки по исторіи Турана», «Церковь и Государство».

Въ первомъ полугодіи лекціи-собесѣдовашя состоятся по Понедѣльникамъ:
7, 8, 15, 22, 29 ноября и 6, 13, 20 декабря.

на **И bis, rue de Magdebourg. (Paris 16^e). Coin de l'avemte Kleber**
Metro Trocadero и Boissiere.

Начало въ ч. 8 вечера.

Входъ бесплатный.

/

